

С Е Р И Я
Э К О Н О М И Ч Е С К А Я
Т Е О Р И Я

HOW RICH
COUNTRIES
GOT RICH...
*And Why Poor
Countries
Stay Poor*

ERIK S. REINERT

Constable

LONDON

КАК БОГАТЫЕ
СТРАНЫ СТАЛИ
БОГАТЫМИ,
*и почему бедные
страны остаются
бедными*

ЭРИК С. РАЙНЕРТ

Шестое издание

Перевод с английского
НАТАЛЬИ АВТОНОМОВОЙ
под редакцией
ВЛАДИМИРА АВТОНОМОВА

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2018

УДК 339.9
ББК 65.5
Р18

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Научный редактор
ВЛАДИМИР АВТОНОМОВ
Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Райнерт, Э. С.

- Р18 Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными [Текст] / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 6-е изд. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 384 с. — (Экономическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1780-2 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-1828-1 (e-book).

В настоящей книге известный норвежский экономист Эрик Райнерт показывает, что богатые страны стали богатыми благодаря сочетанию государственного вмешательства, протекционизма и стратегических инвестиций, а не благодаря свободной торговле. По утверждению автора, именно такая политика была залогом успешного экономического развития, начиная с Италии эпохи Возрождения и заканчивая сегодняшними странами Юго-Восточной Азии. Показывая, что современные экономисты игнорируют этот подход, настаивая и на важности свободной торговли, Райнерт объясняет это давним расколом в экономической науке между континентально-европейской традицией, ориентированной на комплексную государственную политику, с одной стороны, и англо-американской, ориентированной на свободную торговлю, — с другой.

Написанная доступным языком, книга представляет интерес не только для специалистов по экономической истории и теории, но и для широкого круга читателей.

УДК 339.9
ББК 65.5

ISBN 978-5-7598-1780-2 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-1828-1 (e-book)
ISBN 978-1-84529-326-0 (англ.)

В оформлении обложки использован фрагмент картины Диего Риверы из цикла «История Куернаваки и Морелоса: плантации сахарного тростника». 1930.

Copyright © Erik S. Reinert 2007

© Перевод на рус. яз., оформление. Издательский дом Высшей школы экономики, 2011; 2014; 2015; 2016; 2017; 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К. С. ДЖОМО	11
БЛАГОДАРНОСТИ	14
ВВЕДЕНИЕ	18
I. ДВА ТИПА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ	32
II. ЭВОЛЮЦИЯ ДВУХ РАЗНЫХ ПОДХОДОВ	51
ДВА ТИПА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ И ДВЕ ТЕОРИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	77
ТЕОРИИ СТАДИЙ РАЗВИТИЯ	95
III. ЭМУЛЯЦИЯ: КАК РАЗБОГАТЕЛИ БОГАТЫЕ СТРАНЫ	101
НОВОЕ ВИДЕНИЕ МИРА: ОТ ИГРЫ С НУЛЕВОЙ СУММОЙ К ИННОВАЦИЯМ И РОСТУ	101
ЭМУЛЯЦИЯ: РОЖДЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПРИ ГЕНРИХЕ VII, КОРОЛЕ АНГЛИИ (1485 г.)	107
ПРАВИЛА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭМУЛЯЦИИ И РАЗВИТИЯ	112
ИСПАНИЯ: ПРИМЕР ТОГО, КАК ПОСТУПАТЬ НЕЛЬЗЯ	114
ГЕРМАНИЯ СЛЕДУЕТ ПРИМЕРУ АНГЛИИ (1648 г.) ...	121
ИРЛАНДИЯ УЧИТСЯ НА СОБСТВЕННЫХ ОШИБКАХ	128
IV. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: АРГУМЕНТЫ «ЗА», ОНИ ЖЕ «ПРОТИВ»	131
ВОЗРАСТАЮЩАЯ ОТДАЧА И ЕЕ ОТСУТСТВИЕ	138
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ЕГО ОТСУТСТВИЕ	141

СИНЕРГИЯ И КЛАСТЕРНЫЙ ЭФФЕКТ, А ТАКЖЕ ИХ ОТСУТСТВИЕ.....	145
ПАРАДОКСЫ СПОРА О ГЛОБАЛИЗАЦИИ	148
ПРОПАСТЬ МЕЖДУ БОГАТЫМИ И БЕДНЫМИ СТРАНАМИ ОТРАЖАЕТ УСПЕХ СТРАН, ПРИНЯВШИХ КАПИТАЛИЗМ, И ПОРАЖЕНИЕ СТРАН, ЕГО НЕ ПРИНЯВШИХ.....	150
РАЗВИТИЕ ТЕХНОЛОГИЙ, ИННОВАЦИИ И НЕРАВНОМЕРНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ.....	155
ПОЧЕМУ СТРАНЫ, КОТОРЫЕ ПРОИЗВОДЯТ ТОЛЬКО СЫРЬЕВЫЕ ТОВАРЫ, НЕ БОГАТЕЮТ? НЕОЖИДАННЫЕ ПАРАДОКСЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА	180
V. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРИМИТИВИЗАЦИЯ:	
КАК БЕДНЫЕ СТАНОВЯТСЯ ЕЩЕ БЕДНЕЕ.....	197
КОЛОНИИ И БЕДНОСТЬ	197
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРИМИТИВИЗАЦИЯ: ЧТО ЭТО ТАКОЕ И КАК ОНА РАБОТАЕТ.....	202
УТРАТА ВОЗРАСТАЮЩЕЙ ОТДАЧИ И ПАДЕНИЕ УРОВНЯ РЕАЛЬНОЙ ЗАРПЛАТЫ: ПРИМЕР МОНГОЛИИ	205
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПЛАН МОРГЕНТАУ ДЛЯ СТРАН ТРЕТЬЕГО МИРА	211
ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЭФФЕКТ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ: «ГИБЕЛЬ ЛУЧШИХ»	213
РИСКИ ЛОТЕРЕИ РЕСУРСОВ.....	216
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЮ.....	218
«СМЕРТЬ РАССТОЯНИЙ» И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ В ПЕРИФЕРИЙНЫХ СТРАНАХ	221
РАЗРУШИТЕЛЬНОЕ РАЗРУШЕНИЕ И ГЕОГРАФИЯ РАЗВИТИЯ ПО ШУМПЕТЕРУ	222
КОРЕННЫЕ ЖИТЕЛИ: ПРИМИТИВИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННУЮ ПОЛИТИКУ	223
ПРИМИТИВИЗАЦИЯ И НАСЛЕДИЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ	229

VI. ОПРАВДАНИЕ ПРОВАЛА: ОТВЛЕКАЮЩИЕ МАНЕВРЫ ПЕРИОДА «КОНЦА ИСТОРИИ» ...	235
КОГДА ДОБРОТА ДЕЛАЕТ НАС ЗЛЫМИ.....	235
КАПИТАЛИЗМ И ПАРАДОКС НАМЕРЕНИЙ.....	239
УТРАТА 500-ЛЕТНЕГО ЗАПАСА МУДРОСТИ	243
ОПРАВДАНИЕ ПРОВАЛА. ОТВЛЕКАЮЩИЕ МАНЕВРЫ.....	246
VII. ПАЛЛИАТИВНАЯ ЭКОНОМИКА: ЧЕМ ПЛОХ ПРОЕКТ ЦЕЛЕЙ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ.....	270
КАК РЕШАЛИСЬ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ В ПРОШЛОМ.....	271
КАК РЕШАЮТСЯ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕГОДНЯ	278
ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?	281
НЕПОТИЗМ ПО МАЛЬТУСУ ПРОТИВ НЕПОТИЗМА ПО ШУМПЕТЕРУ	285
РАЗНООБРАЗИЕ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ.....	288
ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПОЛНОЙ ТЕОРИИ.....	289
РАЗВИТИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО КОЛОНИАЛИЗМА.....	295
РАСТУЩЕЕ НЕРАВЕНСТВО ВНУТРИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА.....	299
VIII. ПРИВЕДИТЕ В ПОРЯДОК ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ИЛИ УТРАЧЕННОЕ ИСКУССТВО СОЗДАНИЯ СТРАН СРЕДНЕГО ДОСТАТКА.....	304
ПРИЛОЖЕНИЕ I. ТЕОРИЯ ДАВИДА РИКАРДО О СРАВНИТЕЛЬНОМ ПРЕИМУЩЕСТВЕ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ	335
ПРИЛОЖЕНИЕ II. ДВА ПОДХОДА К ОБЪЯСНЕНИЮ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ, БОГАТСТВА И БЕДНОСТИ СТРАН	339
ПРИЛОЖЕНИЕ III. ТЕОРИЯ НЕРАВНОМЕРНОГО РАЗВИТИЯ ФРЭНКА ГРЭМА.....	342

ПРИЛОЖЕНИЕ IV. ДВА ИДЕАЛЬНЫХ ТИПА ПРОТЕКЦИОНИЗМА В СРАВНЕНИИ	344
ПРИЛОЖЕНИЕ V. ДЕВЯТЬ ПРАВИЛ ЭМУЛЯЦИИ БОГАТЫХ СТРАН ФИЛИППА ФОН ХОРНИГКА (1684 г.)	346
ПРИЛОЖЕНИЕ VI. КАЧЕСТВЕННЫЙ ИНДЕКС ВИДОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	350
ПРИМЕЧАНИЯ	351
БИБЛИОГРАФИЯ	370

Поскольку каждый, кто критикует чужие системы, обязан заменить их своей собственной альтернативой, которая лучше объясняла бы суть вещей, мы продолжим наши размышления, чтобы исполнить этот долг.

Джамбаттиста Вико, La Scienza Nuova, 1725 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда в 1999 году люди впервые вышли на улицы Сиэтла, протестуя против действий Всемирной торговой организации и связанных с ней международных финансовых организаций, и впоследствии, когда эти протесты многократно повторялись в разных местах, демонстранты выступали конкретно против традиционного мышления — той экономической ортодоксии, которая легитимизировала и аналитически обосновала политику и рекомендации этих организаций. Рискую сделаться посмешищем, последние 20 лет эта теория настаивает на том, что саморегулирующиеся рынки приведут к экономическому росту всех стран, если сократить роль государства до минимума.

Эта ортодоксия распространилась в 1970-е годы с рождением стагфляции¹, когда кейнсианская экономика и экономика развития стали подвергаться интеллектуальным нападкам. Фискальные кризисы в государствах всеобщего благосостояния, начавшиеся в 1970-х годах, а также последовавший провал экономик центрального планирования послужили молодой ортодоксии дополнительной поддержкой, несмотря на явный провал монетаристических экспериментов в начале 1980-х. Сегодня только крайние фундаменталисты выступают за экономику, либо полностью саморегулирующуюся, либо полностью управляемую государством.

Эта книга рассказывает об основных экономических и технологических силах, которые надо обуздать, чтобы не мешать экономическому развитию. В ходе анализа Райнерт приходит к выводу, что «развитие недоразвитости» является результатом неразвитости и непопулярности таких видов экономической деятельности, для которых характерны возрастающая отдача от масштаба производства и улучшенный кадровый потенциал, а также производственные мощности. Райнерт приводит исторические экономические примеры в новом контексте.

¹ Стагфляция = стагнация + инфляция; этот термин изобретен для описания периодов упадка, в которые происходит высокая инфляция.

В книге утверждается, что из истории можно почерпнуть важнейшие экономические уроки, если только не искажать исторические факты. Райнерт предполагает, что для сегодняшних бедных стран наибольший экономический интерес представляет история Соединенных Штатов. Год 1776-й был не только годом первого издания «Богатства народов» Адама Смита, но и годом начала первой современной войны за национальное освобождение — войны против британского империализма. «Бостонское чаепитие», в конце концов, было чисто меркантилистской акцией. Экономическим теоретиком американской революции был не кто иной, как знаменитый министр финансов Александр Гамильтон, признанный сегодня пионером явления, которое принято называть «промышленная политика».

Представим себе, на что была бы похожа экономика США, если бы Конфедерация южных штатов победила северных союзников, если бы в конце XIX века не произошло стремительной индустриализации экономики США. Как утверждают кураторы Смитсоновского музея американской истории, США не удалось бы преодолеть технологическую отсталость, которую американские участники продемонстрировали во время Всемирной выставки 1851 года. Соединенные Штаты могли бы не стать мировым экономическим лидером уже в начале XX века.

Райнерт рассказывает, как после Второй мировой войны было решено применить в Германии, развязавшей две мировые войны, план Моргентау, чтобы низвести ее до уровня сельскохозяйственного государства. Напротив, в Западной Европе и Северо-Восточной Азии (СВА) генерал Джордж Маршалл способствовал рождению послевоенного кейнсианского золотого века: его план по ускорению экономического восстановления этих регионов должен был создать *cordon sanitaire* вокруг молодого советского блока. Помощь, которую Америка оказывала этим странам во время их послевоенного восстановления, была совсем иной, чем та, которую она оказывает бедным странам сегодня; разница состоит не только в объеме помощи, но и в том, что касается финансирования правительственных бюджетов и обеспечения пространства для формирования экономической политики.

Для экономического развития необходимы глубинные, качественные перемены не только экономического, но и обще-

ственного строя. Из-за того, что во многих бедных странах понятие экономического развития было сведено к накоплению капитала и перераспределению ресурсов, экономическая отсталость стала постоянной чертой. Эрик Райнерт расширяет наше понимание неравномерного развития, делаясь глубокими познаниями в области истории экономической политики; его книга одновременно захватывает и заставляет задуматься.

К. С. Джомо, помощник Генерального секретаря ООН по вопросам экономического развития, основатель и председатель Международной сети специалистов по экономике развития

БЛАГОДАРНОСТИ

Основные идеи этой книги очень старые, так что прежде всего я обязан многочисленным экономистам, теоретикам и практикам, которые на протяжении последних 500 лет успешно создавали богатство, вместо того чтобы его распределять. Мое знакомство с этими уважаемыми личностями состоялось в 1974–1976 годах. В то время моя жена работала в библиотеке Кресса при Гарвардской школе бизнеса; библиотека специализировалась на авторах-экономистах, живших до 1850 года, и была доступным хранилищем их идей. Мой преподаватель экономической теории в швейцарском университете Санкт-Галлена Вальтер Адольф Йор (1910–1987) был верен некоторым старым экономическим идеям континентальной Европы, а в библиотеке Кресса я познакомился с Фрицем Редлихом (1892–1978), представителем немецкой исторической школы, который ввел меня в мир идей Вернера Зомбарта.

Все оригинальные положения, описанные в этой книге, в зачаточном состоянии содержит моя диссертация, написанная в 1978–1979 годы. Эти идеи были вдохновлены, помимо мыслителей древности, несколькими людьми и организациями: Томом Дэвисом, который преподавал экономическую историю и подал мне идею о важности дифференциации экономической деятельности; Бостонской консультативной группой с ее подходом к измерению человеческого обучения и опыта; Ярославом Ванеком, который дал имя теореме Хекшера — Улина — Ванека о международной торговле и который осознал, насколько в определенных обстоятельствах международная торговля может быть вредна для благосостояния государства. Однако развенчав традиционную теорию международной торговли, он подтвердил мое всегдашнее к ней интуитивное недоверие. Джон Мюрра из Корнельского университета открыл для меня мир докапиталистических обществ. Классическая экономика развития с кумулятивными каузациями Мюрдаля служила мне необходимым теоретическим фоном.

С тех пор как я вернулся к научным исследованиям в 1991 году, пятеро экономистов и историков экономики из предыдущего поколения щедро одаряли меня советами и поддерживали

мое убеждение в том, что многие старые идеи в современном мире скорее немодны, чем неверны; это Мозес Абрамовиц, Роберт Хайлбронер и Дэвид Лэндс в Соединенных Штатах, а также Кристофер Фримен и Патрик О'Брайен в Великобритании. Им я посвящаю эту книгу. Они поддерживали жизнь в древней традиции реалистичной экономики, которая почти вымерла во время холодной войны, когда схлестнулись две утопии — гармония планирования и автоматическая гармония рынка.

Мнение Карлоты Перес о том, как происходит технологический прогресс, также произвело на меня сильное впечатление; я благодарен ей за готовность быть моим активным теоретическим спаринг-партнером. За эту готовность я также благодарю моих коллег из Таллинского технологического университета Вольфганга Дрекслера и Райнера Каттеля. К 1991 году сформировалась современная эволюционная экономика, и теоретические построения Ричарда Нельсона помогли мне сформировать собственную теорию. В этом мне помогла посткейнсианская экономика Яна Крегеля, институциональная экономика Джеффри Ходжсона, экономика развития К. С. Джомо и движение GLOBELICS, начатое Бенгтом-Оке Лундваллом. Большое спасибо также всем участникам семинаров «Другой канон» в Осло и Венеции, в частности Даниэлю Арчибуджи, Брайену Артуру, Юргену Бакхаусу, Хелен Бэнк, Антонио Барросу де Кастро, Ане Селии Кастро, Ха-Джун Чангу, Марио Чимоли, Дитеру Эрнсту, Питеру Эвансу, Рональду Дору, Вольфгангу Дрекслеру, Яну Фадербергу, Кристоферу Фримену, Эдварду Фулбруку, Джеффри Ходжсону, Али Кадри, Тармо Кальвету, Яну Крегелю, покойному Санджайе Лаллу, Тони Лоусону, Бенгту-Оке Лундваллу, Ларсу Магнуссону, Ларсу Мьесету, Альфреду Новоа, Кейт Нерс, Патрику О'Брайену, Эйупу Озверену, Габриэлю Пальма, Картоле Перес, Козимо Перротте, Анналисе Прими, Сантьяго Роке, Брюсу Скотту, Ричарду Сведбергу, Яшу Тандону (который открыл для меня африканскую реальность и рассказал об имперском факторе), Мареку Тиитсу и Франческе Виано.

Мои коллеги и студенты из многих университетов после знакомства с моими идеями комментировали их и подавали ценные мысли. Особенно я благодарен университетам, куда я неоднократно возвращался в качестве приглашенного преподавателя; это ESAN, школа бизнеса в Лиме (Перу), Федеральный университет Рио-де-Жанейро, факультет Азии и Европы

Малайского университета в Куала-Лумпуре. Шесть лет преподавания в рамках Кембриджской программы по переосмыслению экономики развития, а также связанных с этой программой курсов «Другой канон» в странах третьего мира дали мне шанс почувствовать себя частью группы, формирующей новый взгляд на экономическое развитие. Основные инициативы финансировались Фондом Форда, один из сотрудников которого, Мануэль Монтес, внес значительный вклад в создание новой экономики развития. В последние годы участие во встречах и процессах системы ООН — CEPAL/ЭКЛАК, Департамента экономических и общественных дел (DESA), Южной комиссии, ЮНКТАД и ПРООН — было для меня крайне полезным в плане новых идей и знакомств. Спасибо также Йону Бингену и Норвежскому институту стратегических исследований за поддержку моего исследования успешных стратегий национального развития. Спасибо Норвежскому инвестиционному форуму, Ассоциации судовладельцев Норвегии и Фонду Лейфа Хега за экономическую поддержку проекта «Другой канон».

В 1999 году я провел два дня с группой ученых, пытавшихся разработать альтернативный набор предпосылок для экономической науки, которая строилась бы снизу вверх, исходя из фактов жизни, а не сверху вниз, исходя из идей физики (Приложение II). Отдельное спасибо Леонардо Бурламаки, Ха-Джун Чангу, Майклу Чу, Питеру Эвансу и Яну Крегелю. Большое спасибо Вольфгангу Дрекслеру, Кристоферу Фримену, Райнеру Каттелю, Яну Крегелю и Карлоте Перес, которые предложили мне прочесть и прокомментировать рукопись книги. Они совершенно не виноваты в моем упрямстве.

Отдельное спасибо Дэну Хайнду, ранее сотруднику издательства «Констэбл и Робинсон», благодаря которому был запущен процесс, завершившийся выходом этой книги. Спасибо также моим редакторам Ханне Бурснелл и Яну Чемье, и особенно Джейн Робертсон, которой чудом удалось удержать меня в рамках сроков.

Эта книга — настоящий семейный проект. Когда мои сыновья Хьюго и Софус были маленькими, они иногда спрашивали меня: «Почему мы все время ездим в страны, где люди так бедно живут?» Теперь, когда они оба защитили диссертации в Кембридже, они стали для меня ценными консультантами. Их имена есть в библиографии этой книги. Кроме того, это они

предложили перемежать теорию с описаниями личного опыта. Краткая версия этой книги была издана на норвежском языке в 2004 году, большая часть ее была переведена Софусом и моей женой Фернандой.

Наконец, моя главная благодарность — Фернанде, которая знала меня еще до того, как летом 1967 года зародился этот проект. Без ее верности, поддержки и отваги в ситуации, когда вокруг нас постоянно сменялись обстановка, страны, языки и проблемы (причем это касается и прочих, еще более рискованных и донкихотских моих проектов), я никогда бы не приобрел опыт, необходимый для написания этой книги.

Введение

Разрыв между бедными и богатыми на нашей планете сегодня достиг рекордной величины и продолжает расти. Несмотря на огромные денежные вливания, осуществленные за время декад развития, начавшихся в 1970 году, несмотря на триллионы долларов, потраченные на помощь в развитии, ситуация остается удручающей. Половина населения Земли имеет доход менее 2 долл. в день. В некоторых странах максимальный уровень реальной заработной платы был зафиксирован еще в 1970-е годы. Согласно оценкам экспертов, в 1750 году разрыв между самыми богатыми и самыми бедными странами выражался отношением 2:1; с тех пор он существенно увеличился.

Цель этой книги — объяснить, почему это происходит, причем так, чтобы объяснения были понятны заинтересованному непрофессионалу из любой страны мира. Не нужно считать эту книгу попыткой популяризовать идеи доминирующей экономической теории. Напротив, автор стремится забыть ортодоксию сегодняшней экономической политики и воскресить давнюю экономическую традицию, опираясь на главный аргумент, который доступен только экономистам — исторический опыт.

Человечество платит огромную цену за бедность. Годы жизни, потерянные из-за младенческой и детской смертности, болезней, которые можно было предотвратить, и из-за общего низкого уровня продолжительности жизни, складываются в чудовищные цифры. Гражданские войны и конфликты из-за нехватки ресурсов причиняют людям боль и страдание, которых в богатых странах, как правило, удается избежать. Добавим сюда влияние, которое оказывает на бедняков ухудшающаяся экология: бедные сообщества легко оказываются в ситуации порочного круга, когда единственным способом удовлетворить нужды растущего населения становится все более жесткая эксплуатация природы.

С момента падения Берлинской стены в 1989 году мировой экономический порядок подчинен экономической теории, которая «доказывает» прямо противоположное тому, что мы на-

блюдаем на практике. Предполагается, что свободная международная торговля сократит разницу в доходах жителей бедных и богатых стран. Предполагается, что, если человечество не будет вмешиваться в действие естественных сил рынка, т. е. применит принцип *laissez-faire*, в мире воцарятся экономическая гармония и прогресс. Еще в 1926 году Джон Мейнард Кейнс (1883–1946), английский экономист, поставивший 1930-м годам диагноз «депрессия», написал книгу под названием «Конец *laissez-faire*». Однако в 1989 году факт падения Берлинской стены породил почти религиозную эйфорию по поводу свободного рынка, возродил мечты о мировой экономике, которая, наконец, будет соответствовать теории. Первый генеральный секретарь Всемирной торговой организации (ВТО) Ренато Руджеро объявил, что необходимо дать свободу потенциалу экономики без границ выровнять отношения между странами и регионами. Это убеждение лежит в основе идеологии Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка, международных финансовых организаций, которые с начала 1990-х годов руководят делами в большинстве бедных стран. Во многих странах это руководство привело к катастрофе.

Сегодня целая пропасть отделяет реальность стран третьего мира от идей Руджеро и мировых финансовых организаций. Вместо гармонии, предсказанной пророками нового мирового порядка, мы видим голод, войны и признаки экологической катастрофы. Постепенно мы начинаем снова принимать реальность в расчет. В 1992 году Фрэнсис Фукуяма, американский философ, специалист по международной политике и защитник либеральной демократии, в своей книге «Конец истории и последний человек» приветствовал конец холодной войны как «конец истории». Однако уже в 2006 году в книге «Америка на распутье» (М.: АСТ, 2008) он отказался от своих взглядов. Он пишет, что неоконсерваторы, похоже, считали демократию естественным состоянием, в которое попадает государство сразу после того, как в нем происходит принудительная смена режима, а не результатом длительного трудоемкого процесса построения государственных институтов и проведения реформ.

В этой книге я говорю о том же, но с точки зрения экономиста. Неолибералы утверждали, что стоит только перестать контролировать работу рынка, как в мире сами собой наступят благосостояние и экономический прогресс; их не придется дол-

го и последовательно создавать. В плане понимания экономического роста мир сейчас проходит стадию развития, которую Фрэнсис Фукуяма прошел с 1992 по 2006 год.

Мир и раньше сталкивался с тем, насколько теории экономической гармонии отличаются от жестокой экономической реальности. Мы должны считаться с этим опытом, поэтому отказаться от теории, которая считает экономическую гармонию автоматическим следствием божественным или математическим образом спланированной гармонии. Вернувшись к теории, которая считает экономическую гармонию результатом сознательной политики, мы пойдем по стопам одного из величайших деятелей европейского Просвещения, французского философа Вольтера.

15–16 января 1759 года Вольтер тайно разослал экземпляры нового романа «Кандид, или Оптимизм» в Париж, Амстердам, Лондон и Брюссель. После того как книги были доставлены в эти центры европейской книготорговли, они были напечатаны в один заранее намеченный день по всей Западной Европе, что было для того времени инновационным рыночным ходом. Подобный тактический ход имел две причины. С одной стороны, Вольтер стремился продать как можно больше книг до того, как пираты лишат его законной прибыли; с другой стороны, он хотел донести свою революционную мысль до максимально широкой аудитории, прежде чем власти осознают всю опасность его идей и примут меры. И действительно, очень скоро полиция начала изымать экземпляры «Кандида» по всей Европе и уничтожать станки, на которых они печатались. Ватикан внес труд Вольтера в список запрещенных книг. Однако все было напрасно: эта небольшая книга стала издательским феноменом XVIII века, интеллектуальным цунами, который не могли сдержать даже дамбы, возведенные совместными усилиями политической и религиозной властей.

Роман Вольтера рассказывает историю молодого Кандида, который без особого на то желания покидает родной дом, чтобы познать мир, «лучший из всех возможных миров», по словам его мудрого учителя метафизико-теолого-космологии профессора Панглоса. Книга атакует бездеятельный, оптимистичный детерминизм, слепо доверяющий внешним силам — провидению, вере, богам или рынкам — полномочия претворять в жизнь перемены и трансформацию. Кандид сталкивается

с чудовищным реальным миром бедности, мародерствующих армий, религиозных преследований, землетрясений и кораблекрушений, миром, где его невесте, прелестной Кунегунде, солдаты вспарывают живот, предварительно изнасиловав, а самого Кандида продают в рабство. Все это время Панглос продолжает проповедовать, что это лучший из всех возможных миров, пока Кандид, наконец, не задается вопросом: «Если это лучший из возможных миров, то каковы же другие?»

«Кандид» был попыткой Вольтера освободить Европу из тисков умственного рабства профессора Панглоса. Сегодня многие лидеры экономической ортодоксии находятся в плену подобного чудовищного оптимизма и нуждаются в освобождении от него. Сегодняшняя Панглосова экономическая теория строится сверху вниз — на основании произвольно выбранных предпосылок и метафор из астрономии и физики. Эта теория описывает гармоничную вселенную, сшитую точно по мерке правящей теоретической моды. Альтернативная теория, которую некоторые из нас пытаются возродить, напротив, строится снизу вверх — на основании наблюдений за реальностью, зачастую равнодушной к экономическому развитию. Вместо того чтобы пытаться устранить препятствия на пути к процветанию, необходимо смотреть на развитие объективно — как на следствие сознательной и решительной политики.

Отличительная черта Панглосовой логики в том, что все происходящее она объясняет вопреки здравому смыслу. Так, мировые финансовые организации иногда утверждают, что массовый исход отчаянно бедных людей из стран третьего мира, где они не могут найти работу, — это благо, потому что их денежные переводы безработным родственникам, оставшимся дома, улучшают общий баланс выплат в бедных странах. При этом ежедневно бесчисленное количество иммигрантов рискуют жизнью, пытаясь попасть из стран с избыточным населением в страны с избыточным богатством. Многие из них погибают в пути, а те, кто выживает, страдают от эксплуатации и враждебного отношения к себе в чужих странах — все ради того, чтобы спасти семьи от голодной смерти.

Другая особенность подобного мышления заключается в том, что базовые предпосылки модели «лучшего из всех возможных миров» никогда не ставят под сомнение. Факты реальности фильтруют таким образом, чтобы отсеять все наблюде-

ния, противоречащие предсказанным последствиям. Если же реальность агрессивно заявляет о себе, как сегодня, объяснения изыскивают вне основной модели. Бедность провозглашают следствием расовых, культурных или географических особенностей; ее причину находят в чем угодно, кроме ортодоксальной экономической теории. Поскольку Панглосова экономическая модель считается совершенной, ее провал просто обязаны объяснять неэкономические факторы.

Мысль Вольтера, а также причина, по которой власти делали все возможное, чтобы эту мысль искоренить, заключалась в том, что мир несовершенен, что каждый должен активно стараться его улучшить, а не пускать события на самотек. Чтобы сохранить гражданское общество, не говоря уже о том, чтобы достичь какого-то прогресса, необходимы усилия и постоянная бдительность. Реформы Просвещения и коммерческие общества, появившиеся тогда в Европе, были многим обязаны духу «Кандида». В XXI веке, когда мы начинаем осознавать величие космоса и случайность эволюции, мысль Вольтера о том, что мир, возможно, не был создан с учетом всех капризов и предпочтений человечества, должна казаться очевидной. Однако экономисты и политики сегодня твердят нам со всей уверенностью и авторитетностью мертвых теологов, что мир был бы идеален, начни мы только практиковать *laissez-faire* и позволим индивидуальным инстинктам, которые принято считать рациональными, свободно взаимодействовать друг с другом, безо всякого вмешательства, кроме самого необходимого. Некоторые даже утверждают, что нужно приватизировать основные общественные институты, например законодательную систему, и доверить все общество целиком чудесной гармонии рынка; предполагается, что теоретический совершенный рынок страхования в таком случае будет охранять нас от приватизированного правосудия.

Но гармония не является естественным состоянием общества. Наивно думать, что законы космоса (если они вообще существуют) всегда на стороне общества и что, слепо подчинившись им, человек достигнет гармонии. Веру в рынок зачастую трудно отличить от веры в провидение или в доброту божественной силы. С какой стати космос должен быть скроен по мерке таких идиосинкратических и исторически условных понятий, как «капитализм» и «глобализация»? Избавившись

от фантастической идеи, что обогащением народов управляют законы природы, мы можем приступить к оценке того, как и почему определенные экономические принципы в прошлом оказывались для обогащения народов плодотворными и как мы можем использовать этот успешный опыт в будущем.

Критическая мысль Вольтера была, в частности, направлена против *les économistes*, группы, которую в истории экономической мысли называют физиократами (по аналогии с демократией — правлением людей, физиократия означает правление природы). Доминирующая сегодня экономическая наука считает, что ведет свое начало от физиократов, которые верили, что богатство народов должно происходить исключительно от сельского хозяйства. Однако физиократы доминировали на экономической арене недолго, а там, где они задержались у власти (как во Франции), их принципы привели к нищете и голоду. Почти все важнейшие европейские мыслители той поры — от французов Вольтера и Дидро до итальянца аббата Галиани и шотландца Давида Юма — были яростными антифизиократами. Даже во Франции, на родине физиократии, лучше всего продавались и были наиболее влиятельными экономические труды авторов антифизиократов, а до Англии движение физиократов вообще не добралось. Борьба Вольтера с физиократами интересна нам среди прочего тем, что изучая одну теорию, мы одновременно получаем информацию об аналогичных теориях — тех, что приводят к аналогичным результатам в аналогичных обстоятельствах. Сегодня движение «Право на питание» (*Right to Food*) признает, что право человека на питание может входить в конфликт с принципами свободной торговли; в 1774 году, когда назревала французская революция, этот же аргумент звучал из уст французского антифизиократа Симона Ленге. Хотя антифизиократы и одержали тогда победу в плане практической деятельности, в современных учебниках по экономической науке эта победа не отражена. История экономической мысли существует в достойной изумления изоляции от того, что на самом деле происходило не только в экономической политике, но и в смежных дисциплинах, таких как философия — вотчина Вольтера.

Книга, которую вы держите в руках, начинается с описания типов экономического мышления, а продолжается рассуждением о том, почему необходимо положить конец почти всемир-

ной монополии доминирующей сегодня экономической теории. Теория торговли английского экономиста Давида Рикардо¹, датированная 1817 годом, стала осью всемирного экономического порядка. Хотя мы видим, что свободная торговля в некоторых обстоятельствах делает людей беднее, а не богаче, правительства западных стран продолжают на ней самодовольно настаивать, а в качестве поощрения за ее принятие предлагают бедным странам большую финансовую помощь. Получается, что добрые намерения тех, кто призывает оказывать больше помощи бедным странам, служат прикрытием безрассудству сегодняшней экономической ортодоксии в ее практическом воплощении. Таким образом, пока идеализм и щедрость покрывают сюрреалистическую, а иногда криминальную и коррумпированную реальность, догма глобальной свободной торговли продолжает царить в мире. Понимание проблем, которые несет в себе правящая экономическая теория, и воскрешение альтернативных подходов — это необходимая отправная точка.

В *первой главе* книги рассказано о существующих типах экономической теории, а также о той разнице, которая зачастую существует между «высокой теорией» и практической реализацией ее экономических принципов. Во *второй главе* прослеживается череда авторов, которые сегодня считаются каноническими, от физиократов до Адама Смита с Давидом Рикардо и далее, до стандартной теории учебника по экономике. Этой ветви развития противопоставлен куда более старый и менее абстрактный Другой канон экономической науки, тот самый, который определял экономические принципы во времена, когда нынешние богатые страны совершали исторический переход от бедности к богатству; он сформировал, к примеру, успешную политику, которую Англия вела с 1485 года, а также породил План Маршалла, начатый после Второй мировой войны.

В *третьей главе* я утверждаю, что у истоков успешного развития лежит то, что экономисты просвещения называли эмуляцией (*англ.* emulation)², а вовсе не сравнительное преимущество или свободная торговля. В данном контексте эмуляция — это имитация с целью сравниться или превзойти. Если племя, живущее через реку, сделало шаг в развитии от каменного к бронзовому веку, то ваше собственное племя стоит перед выбором: придерживаться своего сравнительного преимущества в каменном веке либо попытаться эмулировать соседнее племя и выра-

сти вслед за ним до уровня бронзового века. До Давида Рикардо никто не сомневался, что эмуляция — это лучшая возможная стратегия, так что исторически главным следствием теории торговли Рикардо стало то, что она впервые позволила оправдать колониализм с этической точки зрения. Мы полностью забыли тот факт, что все страны, которые сегодня богаты, обязательно проходили через период, когда эмуляция была их главной стратегией; мы объявили незаконными ключевые инструменты, необходимые для эмуляции. В третьей главе история экономических стратегий — знание того, какие стратегии в прошлом успешно способствовали развитию — используется для разработки теории неравномерного экономического развития. Сегодняшняя экономическая наука подобных научных изысканий не признает. Вместо этого в современной теории торговли экономическая гармония считается базовой предпосылкой.

В защиту свободной торговли существует много аргументов, но теория Давида Рикардо, как утверждается в *четвертой главе*, к этим аргументам не относится. Детальное изучение экономики производства позволяет понять, что лучшие аргументы в защиту глобализации являются одновременно и лучшими аргументами против преждевременного вступления бедных стран в мировую экономику. Теория Рикардо оказывается верной во многих случаях, но причины, по которым она оказывается верна, неверны. Рикардианскую теорию высоко ценят как левые, так и правые политики, поэтому критиковать ее весьма сложно. Правые политики считают теорию торговли Рикардо доказательством того, что капитализм и неограниченная международная торговля — благо для жителей планеты. Преимущество свободной торговли доказывается на основании того, что экономисты называют трудовой теорией ценности, т. е. учения о том, что человеческий труд — это единственный источник ценности. На этой теории основывается также марксистская идеология. По моему мнению, трудовая теория ценности куда лучше подходила для того, чтобы убедить промышленных рабочих XIX века выйти на улицы, чем для того, чтобы объяснить происхождение богатства и бедности в современном мире.

Польский математик Станислав Улам однажды спросил нобелевского лауреата по экономике Пола Самуэльсона, в 1949 году утверждавшего, что свободная торговля приведет к сокращению разницы в доходах во всех странах мира, извест-

на ли ему экономическая идея, которая была бы универсально истинна, но при этом неочевидна. Самуэльсон назвал принцип сравнительного преимущества; согласно этому принципу, свободная торговля между двумя странами обязательно будет взаимовыгодной, если у них неидентичные относительные издержки производства. Получается, что тот, кто критикует философское основание доктрины свободной торговли, не просто подвергается нападкам со стороны обоих политических флангов — и левого, и правого, но ставит под сомнение притязания экономической науки на точность. Эта книга возрождает традицию, согласно которой экономика не только не является точной наукой, но и никогда не сможет ею стать.

В *пятой главе* утверждается, что во многих бедных странах мы наблюдаем процессы, противоположные развитию и прогрессу, — регресс и примитивизацию. Механизмы, приводящие к примитивизации, даны на примере Монголии, Руанды и Перу. Возвращаясь к приведенному выше примеру двух племен, можно сказать, что еще несколько десятилетий назад повсеместно признавалось, что даже не самое развитое племя может повысить свой уровень жизни, войдя в бронзовый век. Однако Берлинская стена погребла под собой понимание того, что лучше иметь в стране неэффективный сектор обрабатывающей промышленности, чем не иметь его вообще. Новая экономическая логика привела к падению уровня реальной зарплаты во многих странах Восточной Европы, Азии, Африки и Латинской Америки.

В *шестой главе* обсуждаются способы решения проблем бедности, которые в последнее время предлагает человечеству мейнстримовая экономическая наука. Чтобы найти лекарство от бедности, надо отличать базовые аспекты экономического развития от явлений, которые являются сопутствующими или даже симптомами проблемы. В главе утверждается, что из-за своего нежелания критически оценить основные метафоры, предпосылки и постулаты стандартной экономической науки, современные экономисты шли по длинной цепочке ложных следов: они искали корни проблемы где угодно, только не в системе производства. Те же люди, что стояли у власти в 1990-е годы, продолжают оставаться идеологическими лидерами процесса, который в конечном итоге должен привести к восстановлению экономики бедных стран. Это так же умно, как просить совета о градостроительстве у гунна Атилы.

В *седьмой главе* я утверждаю, что знание исторического процесса развития может уберечь нас от стратегии, которая внешне кажется логичной, но в реальности может быть чрезвычайно разрушительной. Бедным странам навязывают свободную торговлю, а богатые страны в это время ограничивают импорт сельскохозяйственной продукции из стран третьего мира и субсидируют собственное сельское хозяйство. Мы придаем большое значение отказу от этой несправедливой политики, однако, как мы увидим на примерах из XVIII века, отказ от сельскохозяйственных тарифов — это давно известный прием из арсенала колониальной политики. Какой бы несправедливой ни казалась нам эта практика, если мы слишком сконцентрируемся на ней, то рискуем попасть в Панглосову ловушку: только при *идеально* свободной торговле и *laissez-faire* мечты об экономической гармонии претворяются в реальность. Сегодня ВТО утверждает, что южные страны остаются бедными, потому что северные защищают свое сельское хозяйство. Я пытаюсь доказать: чтобы голодающий юг разбогател, недостаточно просто дать ему возможность продавать свои продовольственные товары на север.

Мы не сможем сделать бедных богатыми при помощи прямой помощи, наивной доброты. Мир настолько сложен, что надо думать о системных и долгосрочных результатах наших действий. Вполне естественно, что люди, которые видят отсталое сельское хозяйство Африки, хотят помочь Африке, сделав это сельское хозяйство эффективней. Однако философ и экономист времен Просвещения Давид Юм предполагал, что лучший способ увеличить эффективность сельского хозяйства — пойти кругом и увеличить сначала эффективность обрабатывающей промышленности; исторические факты последней тысячи лет подтверждают его идею. В экономической науке периода Просвещения поиск оптимального баланса между разными экономическими секторами считался одной из важнейших задач; сегодня же эта задача полностью забыта.

Если мы сами станем есть меньше, в третьем мире еды от этого не прибавится: сегодняшний голод — это следствие недостаточной покупательной способности, а не недостаточного количества еды в мире. Точно так же, закрыв сельское хозяйство стран «первого» мира, мы не поможем развить его в третьем мире. В книге я утверждаю, что нам необходимо за-

ключить сделку, согласно которой странам «первого» мира разрешалось бы защищать свое сельское хозяйство (но не разрешалось бы скидывать излишки его производства по бросовой цене на мировые рынки), а странам третьего мира разрешалось бы защищать свою обрабатывающую промышленность и сектор продвинутых услуг. Это единственная политика, которая в последние 500 лет обеспечивала странам успешное экономическое развитие.

Человечество забыло, как богатели многие страны, а ведь прошло всего 50 лет. Теперь наши попытки решить проблему бедности, пусть и предпринимаются из самых лучших побуждений, направлены лишь на облегчение симптомов бедности, а не на искоренение ее глубинных причин. В главе рассказывается о составляющих проекта «Цели тысячелетия»: в два раза сократить количество людей, живущих на 1 долл. в день, уменьшить количество голодающих и больных, снизить детскую смертность, способствовать распространению образования и улучшению экологии. Я утверждаю, что цели тысячелетия и кампания по борьбе с бедностью ориентированы скорее на облегчение страданий, которые приносит людям бедность, недостаточно уделяя внимания структурным изменениям, которые способствовали бы экономическому развитию бедных стран. Сегодняшний подход приведет не к созданию демократии и развития, какими бы благородными ни были намерения его идеологов, а к разрушительному благотворительному колониализму, позволяющему богатым странам сохранять свою власть над бедными. Я не хочу сказать, что мы не должны пытаться облегчить страдания бедных путем денежной помощи, но мы должны решить другую, не менее важную задачу — как бедным странам стать богаче без нашей помощи. Сторонники свободной торговли часто прибегают к подобным аргументам, защищая свою политику, но между ними и мной есть принципиальное различие: когда я говорю, что для бедняков мира развитие важнее помощи, то выступаю за развитие, которое послужит интересам бедняков, и против того, чтобы они пассивно принимали денежные переводы, которые в итоге приведут их к скрытой форме колониальной зависимости.

В *заключительной главе* рассказывается, как создавать страны среднего достатка, в которых все граждане имеют цель и право на предметы первой необходимости и предметы ми-

нимальной роскоши. С точки зрения теории и экономической политики, чтобы этого достичь, не требуется радикальных мер. Требуется лишь вернуться к стратегиям торговли и развития, которые были в ходу сразу после окончания Второй мировой войны, в том виде, в котором они были зафиксированы, например, в 1948 году в Гаванской хартии ныне не существующей Международной организации торговли. Иными словами, требуется подчинить абстрактную цель установления свободной торговли другим целям, напрямую связанным с благосостоянием людей.

Эту книгу я писал преимущественно для трех групп читателей. Во-первых, главная теоретическая задача этой книги состоит в том, чтобы показать моим коллегам-экономистам, почему стандартная теория международной торговли в том виде, в каком она сегодня применяется, неуместна и даже вредна, когда в торговые отношения вступают страны, находящиеся на разных уровнях развития. Теоретическая база этой книги — эволюционная, или Шумпетерова экономическая наука³, с добавлением давно известных и современных элементов теории исторической и институциональной школ. Экономическая теория Йозефа Шумпетера (1883–1950) сегодня в моде, эта книга верна предпочтению, которое Шумпетер оказывал учениям континентальных экономистов перед теориями их британских современников, Адама Смита (1723–1790) и Давида Рикардо (1772–1823). Вспомним, что вердикт Шумпетера относительно абстрактной теории Рикардо был весьма однозначен: «Это превосходная теория, которую никогда нельзя будет опровергнуть, — в ней есть все, кроме смысла»⁴. Так же как главные экономисты XX века Джон Мейнард Кейнс (1883–1946) и Йозеф Шумпетер, эта книга защищает принципы до-Смитовой экономической науки, так называемого меркантилизма. Профессиональным экономистам, вероятно, интереснее покажутся приложения к книге.

Во-вторых, я хотел, чтобы читатели, которые не имеют специального образования, закончив читать книгу, поняли ее главную мысль. Сложный экономический язык, который я попытаюсь демистифицировать, маскирует неоспоримый факт: богатые страны разбогатели благодаря тому, что десятилетиями, а иногда и веками их правительства и правящая элита основывали, субсидировали и защищали динамичные отрасли

промышленности и услуг. Все они эмулировали наиболее процветающие страны своего времени, развивая производственные структуры в тех областях, где был сконцентрирован технологический прогресс. Таким образом, они создавали ренту (прибыль, превышающую нормальный уровень дохода), которая распространялась на капиталистов в форме более высоких прибылей, на рабочих в форме более высоких зарплат и на правительство в форме больших налоговых поступлений. По сути своей колониализм — это система, которая стремится не допустить развития этих эффектов в колониях. Колонии (бедные страны) специализируются на видах деятельности, для которых типична хотя бы одна из следующих черт: во-первых, скорее убывающая, чем возрастающая отдача; во-вторых, они лишены потенциала по накоплению знаний и технического опыта; в-третьих, плоды этого накопления, вместо того чтобы приводить к богатству самой страны, приводят к снижению цен на ее продукцию для покупателей из богатых стран. То, что мы называем развитием, является рентой, основанной на знании и технологиях, и эту ренту зачастую подкрепляет, а не наоборот, свободная торговля между странами, стоящими на разных уровнях развития. Из этого следует, что одни страны специализируются на богатстве, а другие в соответствии со своим сравнительным преимуществом — на бедности.

И профессионалы, и непрофессионалы должны оценить тот факт, что основная разница между богатыми и бедными странами в том, что все богатые страны прошли этап развития без свободной торговли, который в случае своей успешности приводил к тому, что свободная торговля становилась им выгодна. Эта стадия в истории нынешних развитых стран сегодня запрещена: бедным странам не разрешается эмулировать экономический строй богатых стран. Рынки способны чудодейственным образом искоренить бедность не больше, чем решить проблемы глобального потепления или загрязнения окружающей среды. Только уверенная в себе и решительно настроенная общественность богатых стран может обеспечить правительствам бедных стран возможность свободно принимать решения, которые были бы выгодны жителям этих стран. Это значит, что мы должны отвергнуть и предполагаемую рациональность ортодоксии свободной торговли, и этичность «справедливой» системы глобальной торговли. Справедливая торговля в сегодня

нышем мире может вообще не коснуться проблемы нищеты. Это также значит, что мы должны следить за своими правительствами, чтобы они не вмешивались во внутренние дела бедных стран. Эти меры гораздо скорее, чем агитация за снижение тарифов на сельскохозяйственную продукцию, помогут бедным людям во всем мире.

В заключение я хотел бы обратиться к тем, кто живет в бедных странах, к третьей группе моих читателей. Я надеюсь, что эта книга поможет вам понять механизмы создания богатства и бедности и создаст понятийный аппарат, в рамках которого можно будет начать обсуждение способов искоренения бедности в ваших странах. Понимание этих механизмов положит начало обсуждению проблемы и поможет найти стратегию, которая заполнит свободное пространство для политических маневров, которое сейчас открывается для бедных стран. Я постарался не указывать, что считаю нужным сделать для стимуляции развития, но предположить, что посоветовали бы сделать великие инженеры развития Европы и Соединенных Штатов. Я надеюсь, что итоговой будет следующая идея: чтобы понять причины процветания Европы и Америки, надо изучать стратегию и тактику тех, кто это развитие создавал, а не советы их забывчивых последователей.

I. Два типа экономической теории

Парадигма способна, если уж на то пошло, даже изолировать общество от социально значимых проблем, которые нельзя сформулировать в виде задачи, потому что они не могут быть изложены при помощи понятийных инструментов, которыми располагает эта парадигма.

Томас Кун. «*The Structure of Scientific Revolutions*». 1962

Даже сейчас, много лет спустя, я прекрасно помню день, в который начал работать над этой книгой, несмотря на то что Вольтера я тогда еще не успел прочесть. Это случилось в 1967 году, в начале июля, во время моих последних школьных каникул. Я стоял на вершине самой большой свалки в Лиме (Перу). Открывался отличный вид на свалку и трущобу рядом с ней — хибару, построенную из старых стальных барабанов. Снаружи хижину украшали жизнерадостные разноцветные флажки, которые трепал ветер. Когда мы проходили мимо, хозяин пригласил зайти выпить с ним чаю. В Перу я приехал как гость перуанской организации по развитию местных сообществ. Осенью я должен был возглавить кампанию по сбору средств среди школьников Норвегии; мы собирали деньги на строительство школ в Андах. Это происходило так: на один день школьников Норвегии, Швеции и Финляндии освобождали от занятий и они собирали пожертвования. На эти пожертвования потом были куплены материалы для строительства небольших школьных зданий.

Я провел в Перу всего два дня. Меня удивляло, что люди, которых я видел за работой, — носильщики в аэропорту, водители автобусов, персонал в гостинице, продавцы в магазинах — работали ничуть не менее эффективно, чем их коллеги в Норвегии. Почему же люди здесь так бедны? Впоследствии мой вопрос приобрел более зрелую форму: что такого особенного в этом рынке, который вознаграждает людей с одинаковым

уровнем производительности настолько разными доходами в разных странах? На следующий день после чаепития на свалке, когда вонь от мусора почти выветрилась из моей одежды и волос, я вместе с другими школьниками из Швеции и Финляндии, занятыми в кампании, обедал с президентом Фернандо Белаунде в президентском дворце. Все мы понимали, что строительство школ — это хорошая идея, но никто не понимал, откуда берется бедность. Дома я решил поискать ответ на этот вопрос в энциклопедии, но безрезультатно. Мое любопытство росло. Почему, как недавно подсчитал Всемирный банк, водитель автобуса во Франкфурте получает реальную зарплату, в 16 раз большую, чем не менее профессиональный водитель автобуса в Нигерии? Я решил найти ответ на этот вопрос. В результате родилась книга, которую вы держите в руках.

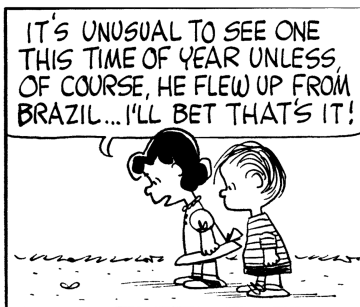
Закончив университет в Швейцарии, а затем получив степень магистра делового администрирования в Гарварде, я открыл маленькое обрабатывающее производство в Италии. Однако вопрос, зародившийся на свалке в Лиме, не оставлял меня. Мне казалось странным, что он не интересует почти никого, кроме меня.

В 1967 году, как и сегодня, экономисты утверждали, что свободная торговля способствует экономическому равенству, нивелируя зарплаты бедных и богатых людей по всему миру. Более того, считается, что свободная торговля — это система, в которой нет проигравших. В определенные исторические периоды — в 1760, 1840 и 1990-е годы — возникало коллективное убеждение, «доказанное» экономической наукой, что если специалист по высоким технологиям и посудомойка, живущие в разные странах, начнут обмениваться, то они внезапно начнут получать одинаковые реальные зарплаты. За расцветом этих теорий в 1760, 1840-е годы и сейчас неизменно следовали крупные общественные проблемы и даже революции, которые прекращались, когда научное сообщество вновь захватывали менее абстрактные и более практичные теории, позволяя исправить причиненное зло. Американский экономист Пол Кругман был прав, когда утверждал, что в определенные исторические периоды все прежние знания забываются и в мире воцаряется невежество.

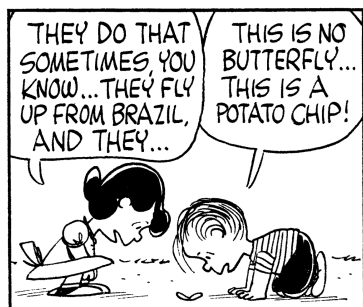
Годы шли. Я начал понимать, что существуют разные экономические теории. Причина, по которой мой вопрос никого не интересует, в том, что господствующая экономическая теория

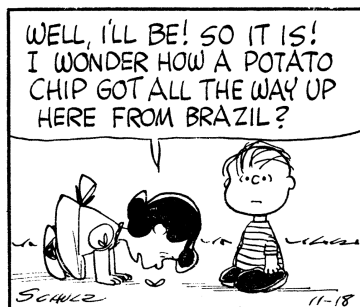
— Смотри-ка! Большая желтая бабочка!

— В это время года они почти не встречаются, если, конечно, она не прилетела из Бразилии... Наверняка так и было!

— Иногда так бывает, ты знаешь... Они прилетают из Бразилии и...
— Это не бабочка... Это картофельный чипс!

— Ну ничего себе! Точно! И как это только картофельный чипс мог попасть сюда из самой Бразилии!

Как и в экономической науке, неверные предпосылки приводят не только к неправильным выводам, но и порождают неправильные вопросы. Нереалистичные предпосылки — проклятие абстрактной экономической теории начиная с теории торговли Давида Рикардо (1817 г.) и заканчивая теорией общего равновесия, сложившейся после Второй мировой войны. Эти предпосылки повлияли на либерализм и на плановую экономику коммунистических стран.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ 1. Неверные предпосылки рождают неправильные вопросы. Карикатура Чарльза Шульца из журнала «Peanuts» © 1960. United Feature Syndicate, Inc. (Воспроизведено с разрешения правообладателя.)

основана на предпосылках, которые порождают не только неправильные ответы, но и неправильные вопросы (илл. 1). В стандартной экономической науке понятия неравномерного развития разных стран просто не существовало. Эти вопросы захватили меня настолько, что я взял отпуск на своей фирме, чтобы написать диссертацию по экономической теории в США и попытаться найти на них ответы. Я интуитивно избегал теоретических абстракций, исключавших факторы, которые в реальной жизни могли оказаться решающими для создания бедности или богатства. Гораздо позже я узнал, как удачно сумел выразить эту мысль Гете: «Теория, мой друг, суха, но зеленеет жизни древо».

Только через много лет я понял, что Гарвардская школа бизнеса за два года обучения незаметно сделала меня адептом альтернативной, ныне исчезнувшей экономической традиции, которая куда ближе к реальной жизни, чем сегодняшняя экономическая наука. Метод ситуационного исследования, которым пользуются в деловых школах, основан на методологии Немецкой исторической школы. Эдвин Гей (1867–1946), основатель и первый декан Гарвардской школы бизнеса, 12 лет проучился в немецкоязычных университетах и был последователем немецкого экономиста Густава Шмоллера (1838–1917) и его исторического подхода¹. Стандартная экономическая наука зачастую приучает людей смотреть на мир сквозь призму методологических и математических линз, при этом упуская из вида факторы реальной жизни. Исторический же подход, напротив, собирает любые фактические доказательства, если они имеют отношение к делу. В этой книге глобализация анализируется по методу ситуационного исследования (кейс-стади), как если бы ее анализировала Гарвардская школа бизнеса. Однако мне хотелось, чтобы в мире был достигнут максимальный уровень реальной заработной платы, а не максимальный уровень прибыли. Один документ, разработанный в Гарвардской школе бизнеса, так описывает любопытство, которое является движущей силой хорошего исследования: «Непрерывно наблюдая, изучая и размышляя, вы натываетесь на какой-то факт и думаете: „Я этого не понимаю. Здесь какое-то несоответствие между теорией и тем, что я наблюдаю в реальности. Этот факт не вписывается в теорию. Мне кажется, это важно. Кто-то ошибся — либо я, либо теоретики. Я хочу это выяснить“»². Какой контраст с тем, как ведет свои исследования стандартная экономическая тео-

рия, жестко ограниченная инструментами и предпосылками! Она неизменно движется по пути наименьшего математического сопротивления³, а не наибольшей релевантности.

Я начал изучать бедные страны, чтобы понять причины их бедности. Впоследствии мне стало ясно, что бедность — это нормальное явление, вполне соответствующее картине мира, созданной экономистами. Традиционно существование богатства и бедности объяснялось тем, что разные виды экономической деятельности качественно различаются, как источники богатства. Доминирующая сегодня теория утратила эту точку зрения, хотя экономическое устройство бедных стран гораздо больше соответствует тому, что написано в стандартных учебниках по экономике, чем экономическое устройство богатых стран. Введем и поясним две пары ключевых терминов, которые описывают разницу между видами экономической деятельности, характерными для бедных и для богатых стран; это совершенная и несовершенная конкуренция, возрастающая и убывающая отдача.

Совершенная, или товарная, конкуренция означает, что производитель не может влиять на цену производимого товара, он работает на совершенном рынке и только из газет узнает, какую цену рынок готов заплатить за его товар. Такая ситуация типична для рынков сельскохозяйственных товаров и минерального сырья. Совершенной конкуренции, как правило, сопутствует ситуация, называемая убывающей отдачей: при расширении производства после достижения определенного момента увеличение количества одних и тех же факторов производства (капитала и/или труда) приводит к производству все меньшего количества продукции. Например, если вы вкладываете все больше тракторов или трудовых ресурсов в одно и то же картофельное поле, то по достижении определенного момента каждый новый работник или новый трактор будут производить меньше, чем предыдущие. Совершенная конкуренция и убывающая отдача в стандартных учебниках экономической теории считаются нормальным положением дел.

Когда расширяется производство в промышленности, затраты ведут себя противоположным образом — снижаются, а не растут. Как только механизированное производство налажено, то чем больше растет объем производства, тем меньше становятся издержки на единицу продукции. Например, пер-

вый экземпляр компьютерной программы стоит очень дорого, но все последующие копии почти ничего не стоят. В сфере услуг и обрабатывающей промышленности нет активов, зависящих непосредственно от природы, — ни полей, ни шахт, ни рыболовных угодий, ограниченных по количеству или качеству. В этих отраслях увеличение производства вызывает падение издержек или рост отдачи. Промышленным компаниям и производителям продвинутых услуг важно иметь большую долю на рынке, потому что большие объемы производства позволяют им снизить издержки производства за счет растущей отдачи. Растущая отдача создает власть над рынком: компании в большой степени могут влиять на цену того, что они продают. Эта ситуация называется несовершенной конкуренцией.

Важно понимать, что рассмотренные понятия тесно связаны друг с другом. Как правило, возрастающей отдаче сопутствует несовершенная конкуренция; действительно, падающие удельные издержки — это одна из причин рыночной власти в условиях несовершенной конкуренции. Убывающая отдача (невозможность расширить производство за пределы определенного уровня и сохранить убывающие издержки) и затрудненная дифференциация продукции (пшеница — это всегда пшеница, а марок автомобилей может быть сколько угодно) являются ключевыми факторами установления совершенной конкуренции на рынке производства сырьевых товаров. Экспорт богатых стран развивает их экономику, т. е. увеличивает отдачу и создает несовершенную конкуренцию, а традиционный экспорт бедных стран, наоборот, влечет вредные для экономики последствия.

Веками термин «обрабатывающая промышленность» означал сочетание технологического прогресса, возрастающей отдачи и несовершенной конкуренции. Культивируя обрабатывающую промышленность, страны поощряли выгодный тип экономической деятельности. Я утверждаю, что именно так достигался экономический успех — начиная от Англии времен правления Генриха VII, продолжая индустриализацией континентальной Европы и США и заканчивая недавним взлетом Кореи и Тайваня. Однако за последние десятилетия для многих отраслей, производящих услуги, характерны стремительный технологический прогресс и возрастающая отдача, так что различия между обрабатывающей промышленностью и производством услуг стали стираться. В то же время промышленные

изделия, производимые в большом объеме, приобрели многие характеристики, ранее присущие только сельскому хозяйству, хотя в число этих характеристик не входит убывающая отдача.

В богатых странах мы, как правило, наблюдаем несовершенную конкуренцию и экономическую деятельность с растущей отдачей. Постепенно я понял, что все богатые страны разбогатели одинаковым способом, используя одну и ту же стратегию, — они отказались от сырьевых товаров и убывающей отдачи ради обрабатывающей промышленности и возрастающей отдачи. Я обнаружил, что ключевые термины экономической науки с течением времени меняли свои значения. 300 лет назад английский экономист Джон Кэри (1649–1720) выступал в защиту свободной торговли, но в то же время был так возмущен, что купцы отправляют за границу непромытую шерсть, что предложил наказать экспортера смертью. Термин «свободная торговля» в те времена означал отсутствие монополий, а не тарифов. Именно культ мануфактуры Джона Кэри заложил основание для богатства Европы. Мне становилось все очевиднее, что некоторые экономисты прошлого куда лучше понимали механизмы богатства и бедности, чем мы сегодня. В диссертации, написанной в 1980 году, я попытался проверить верность теории XVII века — концепции развития и отсталости Антонио Серра. Он был очень важной фигурой, поскольку первым из экономистов сформулировал теорию неравномерного экономического развития разных государств в книге 1613 года «Breve trattato», или «Краткий трактат»⁴. О жизни Серра почти ничего не известно, кроме того что он был юристом и писал книгу, сидя в неапольской тюрьме. Он пытался понять, почему его родной Неаполь так беден, несмотря на обилие природных ресурсов, а Венеция, построенная на болоте, стала сердцем мировой экономики. Разгадка, как утверждал он, в том, что венецианцы, не имея возможности возделывать землю, как неаполитанцы, были вынуждены обратиться к промышленности и, занявшись обрабатывающими производствами, подчинили себе возрастающую отдачу. По мнению Серра, чтобы достичь экономического развития, необходимо заниматься разными видами экономической деятельности, для которых характерны убывающие издержки и связанная с ними растущая отдача. Тогда бедность в плане природных ресурсов парадоксальным образом может обернуться богатством.

Взяв страны южноамериканских Анд в качестве материала для исследования, я обнаружил, что развитие Боливии, Эквадора и Перу вполне соответствует схеме, предложенной Серра. В конце 1970-х годов я начал собирать книги, памфлеты и журналы разных времен, хранящие теорию и практику неравномерного экономического развития этих стран. Несмотря на то что многие механизмы богатства и бедности были выделены и описаны еще в Древней Греции, логической отправной точкой моих исследований стало самое начало XV века — время, когда в Венеции были изобретены патенты, а в Англии с восхождением на трон Генриха VII в 1485 году зародилась современная промышленная политика. Объяснение механизмов, приводивших с тех пор народы к богатству или бедности, стало главной целью моего исследования.

Я вернулся к своим изысканиям в 1991 году, сразу после падения Берлинской стены — события, которое Фрэнсис Фукуяма назвал «концом истории». Страны с плановой экономикой потерпели фиаско, поэтому стали считать само собой разумеющимся, что только свободная торговля и рыночная экономика способны сделать все страны мира одинаково богатыми. Дальнейшее развитие этой апокалиптической логики становится понятнее в свете так называемого миропонимания холодной войны, распространенного среди экономистов, принадлежащих к мейнстриму. По причинам, которые мы обсудим в следующей главе, холодная война перечеркнула не только теоретические вопросы, в прошлом считавшиеся важными, но и прежнее разделение на единомышленников и противников. Проблемы, которые считались ключевыми для понимания неравномерного развития разных стран, в современном дискурсе исчезли без следа. Вот почему необходимо выйти за рамки миропонимания холодной войны и заново пересмотреть прежние экономические теории. К примеру, согласно мировоззрению холодной войны, Карл Маркс и Авраам Линкольн — противники; при этом Линкольн представляет силу добра, т. е. свободу и рынки. Однако в свое время Линкольн и Маркс придерживались одной точки зрения в экономической политике. Оба не одобряли английскую экономическую теорию, которая не учитывала роли производства, а также свободную торговлю, преждевременно навязанную стране⁵, и рабство. Сохранились их вежливые письма друг другу. В полном согласии с этими фактами

Карл Маркс вел регулярную колонку в газете «New York Daily Tribune», печатном органе Республиканской партии Линкольна, с 1851 по 1862 год. Я не хочу сказать, разумеется, что Маркс и Линкольн были единомышленниками во всем, но они сходились во мнении, что богатство народов создается путем индустриализации и технологического прогресса.

В XX веке знаменитый консерватор, австрийский американец Йозеф Шумпетер (1883–1950) продемонстрировал, что политическое единодушие не обязательно означает экономическое. В предисловии к японскому изданию книги «Теория экономического развития» (немецкое издание вышло в 1912, английское — в 1934, а японское — в 1937 году) Шумпетер подчеркивает сходство между Марксовым пониманием развития мира и своим собственным, но замечает, что это сходство перечеркивается огромными мировоззренческими разногласиями. В сущности, лучшая промышленная стратегия, вероятно, рождается там, где марксисты и шумпетерианцы являются политическими союзниками, что, как можно доказать, произошло в Японии после Второй мировой войны.

Самая продаваемая книга в истории экономической мысли — «Философы от мира сего» Роберта Хайлбронера (1969 г.). Последнее прижизненное издание книги (1999 г.) Хайлбронер завершил печальным заключением, что важная ветвь экономической науки, которая основывается на опыте, а не только на цифрах и символах, находится на грани отмирания. Речь идет о той самой экономической науке, которой Европа обязана своим богатством, а Гарвардская школа бизнеса — методом кейс-стади. Позднее я понял, что в традиции, описанной Хайлбронером, меня можно назвать экономистом-некрофилом. Те, кто рассуждал так же, как я (а их было немало), в большинстве своем давно умерли. Сейчас коллекция книг, которую я собираю вот уже 30 лет, насчитывает почти 50 тыс. томов, в ней задокументирована история экономической мысли и политики за последние 500 лет. Эта любовь к идеям прошлого у меня, однако, сочетается с обширными наблюдениями за современной реальностью во всем ее многообразии. Я проводил свои исследования в 49 странах всех обитаемых континентов и еще в нескольких странах побывал как турист. Все эти 30 лет идеи, которые не укладывались в миропонимание холодной войны, были решительно немодными. Мне стало ясно, что экономистов как

группу можно описать теми же словами, которыми когда-то в Европе в шутку определялась нация, — это группа людей, объединенных общим непониманием своего прошлого и общей неприязнью к соседям (в данном случае — соседним областям науки, таким как социология и политология). Каноническая последовательность трудов, описываемая историей экономической мысли, отличается от последовательности книг, оказавших наибольшее влияние на умы своего времени. Когда гарвардский библиотекарь Кеннет Карпентер составил список из 39 экономических бестселлеров периода до 1850 года⁶, оказалось, что он содержит важные труды, которые историки экономической мысли проигнорировали. По правде говоря, французские физиократы, которых традиционная история экономической мысли считает отцами-основателями экономической науки, имели косвенное влияние на экономическую политику. Так, физиократия не добралась до Англии, где критики физиократии были переведены и изданы задолго до самих физиократов. Идеи физиократов недолго были популярны даже в родной Франции, опровергнутые катастрофическими последствиями применения их на практике — нехваткой продовольственных запасов и голодом. После этого идеи антифизиократов — те самые, которые почти не упоминаются в истории экономической мысли — быстро одержали верх. Собственного говоря, последней каплей была пришедшая в Париж новость, что антифизиократ Жак Неккер (1732–1804) снят с поста министра финансов. Поразительно: Неккер упоминается в почетном списке Карпентера как автор одного из трех самых популярных трудов по экономике.

Мне стало очевидно, что тип экономического мышления, к которому сегодняшние богатые страны прибегали в период своего перехода от бедности к богатству, утерян. Благодаря повсеместному отсутствию интереса к избранной мной теме и помощи небольшой группы букинистов мне удалось собрать материал, иллюстрирующий эту ныне забытую, но от этого не менее актуальную экономическую логику. Теории, которые когда-то помогли богатым странам разбогатеть, исчезли из современных учебников и практической экономической политики, но одновременно с этим тексты, в прошлом породившие успешные экономические стратегии, исчезали из библиотек. Похоже, генетический материал мудрости прежних времен намеренно уничтожался. Библиотеки крупных университетов США придер-

живаются правила, что хотя бы в одной из них должен храниться один экземпляр каждой книги, но и эта стратегия не лишена риска⁷: известны случаи, когда Библиотека Конгресса «теряла» свой экземпляр. Когда единственный известный экземпляр книги немецкого экономиста XVIII века Иоганна Фридриха фон Пфайффера (1718–1787) был утерян из библиотеки Гейдельбергского университета во время Второй мировой войны, решили, что в Германии не осталось ни одного ее экземпляра⁸. Тем приятней было мне несколько лет назад обнаружить уцелевший том.

В недобром 1984 году Библиотека Бейкера при Гарвардском университете решила избавиться от книг, которые за последние 50 лет никто не запрашивал. Среди этих книг оказалась почти вся коллекция Фридриха Листа (1789–1846), важного немецкого теоретика промышленной политики и теории неравномерного развития. Один бостонский букинист сообщил мне, что купил у Библиотеки Бейкера книги, которые, как он выразился, «как будто специально для тебя продавались». Они пополнили мою коллекцию. Десять лет спустя я навещал гарвардского профессора, работавшего над сравнением идей Адама Смита и Фридриха Листа. Когда он пожаловался мне, что в Библиотеке Бейкера не хватает материала по Листу, я рассказал ему, куда делись эти книги. Чтобы не быть голословным, я послал ему титульные страницы необходимых ему книг, на которых красовались аккуратные штампики с логотипом Гарвардского университета: «Списано».

Аналогичным образом в 1970-е годы Нью-Йоркская публичная библиотека решила перевести в формат микрофильмов всю коллекцию памфлетов⁹, и все оригинальные материалы были отправлены в макулатуру. Каким-то чудом их спас коллекционер Майкл Зинман. Через 20 лет их обнаружили в его сарае в нью-йоркском районе Ардсли. Мне сообщил об этом знакомый лондонский букинист. Мы с моей женой-библиотекарем провели в общей сложности 4 дня, роясь в куче из 170 тыс. памфлетов, с которых для удобства сканирования были срезаны корешки. Примерно 2300 памфлетов мы увезли домой. В них была вся история экономической политики США начала XIX века: сотни речей, произнесенных в сенате и палате представителей (каждая была издана отдельно) и тысячи документов, повествующих о том, что происходило в стране, пока Соединенные Штаты продвигались от бедности к богатству. Не-

сколько ценных памфлетов и первые издания Давида Рикардо, также отправленные в макулатуру, кто-то уже забрал, но для меня они не представляли интереса, так как эти тексты много раз переиздавались. Настоящими сокровищами были для меня неприметные тексты дебатов об экономической политике не только в США, но и в дюжине других стран, написанные на разных языках. Эта дискуссия не отражена ни в экономической истории США (как правило, написанной в исторической традиции «особого предназначения США»), ни в истории экономической мысли. Только небольшие ее отрывки можно найти в исследованиях, посвященных истории американской политической мысли. Риторика и идеология во многом заслонили от американцев их собственное прошлое.

История открывает нам, как богатые страны богатели при помощи методов, которые сегодня практически полностью запрещены условиями Вашингтонского консенсуса¹⁰. Разработанный в 1990 году, сразу после падения Берлинской стены, Вашингтонский консенсус потребовал среди прочего либерализации торговли, прямых иностранных инвестиций, дерегулирования и приватизации. По мере внедрения реформы Вашингтонского консенсуса стали практически синонимом неолиберализма и рыночного фундаментализма.

В ранние 1990-е годы стали популярными теории Йозефа Шумпетера. К моему большому везению, историю экономической мысли мне преподавал Артур Смитис, один из ближайших гарвардских друзей Шумпетера¹¹. Курс его во многом был посвящен Шумпетеру и его теориям. Хотя сам Шумпетер не интересовался проблемой бедности, мне казалось, что его теории по умолчанию описывают бедность и могут помочь мне объяснить, почему принципы Вашингтонского консенсуса оказались столь разрушительными для столь многих беднейших стран мира.

В своей работе я попытался объединить несколько учебных дисциплин: прежде всего эволюционную (шумпетерианскую) экономическую теорию, экономику развития, историю экономической мысли и экономическую историю. Мне показалось, что для понимания неравномерного экономического роста разных стран нужны два новых направления исследований — не-марксистская теория неравномерного роста¹² и история экономической политики. Ни того ни другого нет в природе, однако если бы эти дисциплины существовали, они должны были бы

быть тесно взаимосвязаны. История экономической мысли рассказывает нам о действиях, которые Адам Смит рекомендовал предпринять Англии, но нет такой науки, которая рассказала бы о действиях, которые Англия на самом деле предприняла и которые мало имели общего с рекомендациями Смита.

То, как я себя чувствовал на протяжении многих лет, прекрасно описывает отрывок из письма Никколо Макиавелли, датированного 10 декабря 1513 года¹³: «Я возвращаюсь домой и вхожу в свой кабинет; на пороге я снимаю рабочую одежду, покрытую пылью и грязью, и надеваю одежды для суда и дворца. Одетый подобающим образом, я вступаю в почтенный суд древних, где, великодушно принятый ими, я вкушаю ту пищу, которая *единственная* подходит мне и для которой я был рожден; где я без стеснения беседую с ними и спрашиваю о мотивах их действий, и они, в своей человеческой доброте, отвечают мне [курсив мой]. И четыре часа кряду я не чувствую скуки, я забываю все свои беды... Я полностью растворяюсь в них».

Теперь несколько слов специально для читателей из стран третьего мира. На первый взгляд может показаться, что эта книга этноцентрична и посвящена только Европе. Она не открывается, к примеру, взглядами норвежско-американского экономиста Торстейна Веблена (1857–1929) на капитализм как на продвинутую систему пиратства, хотя история подсказывает нам, что эта точка зрения также имеет право на существование. Вместо этого я рассказываю о том, как Европа построила экономическую власть, которая сделала возможной ее превосходство, ее экономию на масштабах в использовании силы. Эта книга не повествует о преступлениях и несправедливостях, которые белые (европейцы и прочие) творили в странах третьего мира. Она посвящена куда менее заметным и, в конечном итоге, даже более вредоносным для стран третьего мира последствиям экономических и общественных теорий, которые игнорируют главные факторы создания богатства или бедности. В книге нет ничего о рабстве как таковом; она о наследии рабства, оставшемся в производственной, общественной и земледельческой системах; оно и сегодня тормозит экономическое развитие. Эта книга о капитализме как о системе производства, а также о правильной и неправильной экономической политике.

Неевропейских цивилизаций в истории человечества было гораздо больше, чем европейских. Важной частью европейской

истории является эмуляция технологий и умений обитателей других континентов — мусульманского мира, Азии и Африки¹⁴. В 1158 году епископ Отто фон Фрайзинг повторил то, что всем было известно: «вся человеческая власть и наука пришли с Востока». Недавние исследования показали, как мало различались Китай и Европа еще в 1700 году¹⁵; очевидно, что взгляд Европы и Запада на остальной мир уже давно замутнен европоцентристскими предрассудками против других народов и культур¹⁶. Недавно прозвучала версия, что преимущества Евразии заключались в климате, бактериях и приручаемых животных¹⁷. Также подчеркивалась важность коровы как источника молока, мяса и навоза.

Однако возможен и другой взгляд на Европу — как на отсталый континент, который не консолидировал своих границ вплоть до осады Вены мусульманами в 1683 году. Тысячелетие, прошедшее со времен Мухаммеда до осады Вены, Европа непрерывно защищала свои восточные и южные границы от монголов и мусульман¹⁸, частично, разумеется, посредством собственной агрессии. Монгольское вторжение добралось до Адриатического побережья в Далмации и зашло уже далеко на территорию сегодняшней Польши, когда смерть великого хана в 1241 году вынудила монголов вернуться домой. Константинополь покорился мусульманам в 1453 году, ознаменовав кончину Восточной Римской империи и конец Византии — возможно, единственной в мире тысячелетней империи. Так мусульмане получили контроль над Балканами и Восточным Средиземноморьем. Венеция, защитница юго-восточных границ Европы, постепенно лишалась своих владений в Восточном Средиземноморье. Перелом в пользу разобщенных европейских стран наступил только в 1571 году, после битвы при Лепанто, которая ненадолго объединила основные европейские силы.

Что же помогло Европе в дальнейшем стать такой сильной? Как и почему, в свете сегодняшнего огромного разрыва в уровне доходов разных стран, удалось Европе к XVIII веку так равномерно развиваться от Северной Швеции до Средиземноморья? Почему повторение этого успеха в Африке кажется невозможным? Понятно, что прогрессу Европы способствовали многие факторы: географическое местонахождение ее источников энергии (угля), наличие в колониях пищи, древесины и рынков, а также жестокость, религиозный фанатизм, организаторские способности,

институциональная изобретательность (например, разработка метода двойной бухгалтерии) и интеллектуальное любопытство.

Наиболее важными я считаю механизмы, появившиеся благодаря многообразию и раздробленности Европы, — географические, климатические¹⁹, этнические и политические. Их не было в крупных азиатских империях, они создавали банк альтернативных идей и подходов на рынке идей; стали отправной точкой для конкуренции, которая создавала и поддерживала эмуляцию между разными странами. История Европы — это прежде всего история того, как экономическая политика сумела преодолеть устрашающие преграды, поставленные на пути к богатству географией, климатом и культурой. Еще 200 лет назад путешественники, посетившие такую отдаленную страну, как Норвегия, не считали ее способной на дальнейшее развитие.

Основная стратегия, сделавшая Европу такой равномерно богатой, заключалась в том, что экономисты Просвещения называли эмуляцией (*англ.* emulation)²⁰, а также в применении обширного инструментария, разработанного для этой цели. Оксфордский словарь английского языка определяет слово *emulation* как «попытку сравниться с другими или превзойти их в каком-либо достижении или качестве; желание или стремление сравниться или превзойти». Эмуляция была по своей сути позитивным и активным усилием, в отличие от *зависти*²¹. В современной науке эмуляции можно найти эквиваленты в терминологии американского экономиста Мозеса Абрамовица (1912–2000), идеи которого о *догоняющем развитии* и *опережении* созвучны тому же пониманию динамической конкуренции.

Современная экономическая теория рекомендует для развития стратегию сравнительного преимущества. Эта стратегия основана на торговой теории Давида Рикардо, гласящей, что страна должна специализироваться в таком виде экономической деятельности, в котором она относительно наименее неэффективна (Приложение 1). После шока 1957 года, когда Советский Союз запустил первый спутник и стало ясно, что СССР опережает США в космической гонке, русские могли бы, вооружившись торговой теорией Рикардо, аргументированно утверждать, что американцы имеют сравнительное преимущество в сельском хозяйстве, а не в космических технологиях. Последние, следуя этой логике, должны были бы производить продовольствие, а русские — космические технологии. Одна-

ко президент Эйзенхауэр выбрал тогда стратегию эмуляции, а не сравнительного преимущества. В 1958 году была основана НАСА, чтобы *эмулировать* Советский Союз, и это было стратегической мерой в лучших традициях Просвещения, но решительно противоречило духу Рикардо. Экономическая наука Рикардо, строго говоря, создала некоторые элементы самоотносимой логики, напоминающие худшие карикатуры времен схоластики. Поскольку из теории были исключены динамические элементы, создающие необходимость в эмуляции, логика Рикардо приводит к алогичным практическим решениям. Динамические элементы технологического развития и прогресса, создающие наглядную логику соревнования, а не статичную специализацию, в его теорию просто не попали.

Читателям из стран третьего мира будет, вероятно, интересно узнать, что герои этой книги, экономисты континентальной Европы, были в большинстве своем отнюдь не этноцентристами. Джованни Ботеро (ок. 1544–1617), который успешно исследовал причины богатства городов, написал знаменитую книгу по мировой географии «*Relazioni Universali*» («Универсальные реляции»). Он с энтузиазмом описывает разнообразие культур мира. Саамов, коренных жителей северной Скандинавии, он хвалит за умение строить лодки без использования гвоздей, а также за использование вида транспорта, возможно, самого быстрого во всем мире, — оленьей упряжки. Немецкие экономисты XVIII века Христиан Вольф (1679–1754) и Иоганн Генрих Готтлоб фон Юсти (1717–1771) превозносили в своих книгах достоинства китайской цивилизации; Юсти также восхищался цивилизацией инков²². Оба считали, что Европа должна эмулировать неевропейские институты. В 1723 году Вольф был изгнан из Галльского университета, где всем заправляло протестантское движение пиетистов, а все потому, что высказал мнение, что китайская философия и этика достойны восхищения и доказывают, что моральные истины можно найти и за пределами христианского мира. Вольфа спасло соперничество между двумя небольшими немецкими государствами: он перебрался в соседнее, правитель которого давно зазывал его в свой — Марбургский — университет. Строго говоря, европейский этноцентризм, важная составляющая колониализма и империализма, обрел силу только в 1770-е годы, когда прежние этнические нации стали мешать появлению национальных государств

и империй. Должен заметить, что я не пытался пропускать тексты экономистов прошлого сквозь современный фильтр политической корректности. Там, где Маркс и остальные писали *варварство* и *цивилизация* в значении, близком к сегодняшним *бедность* и *развитие*, я оставлял оригинальные формулировки.

В этой книге предполагается, что благодаря упомянутым выше многообразию, фрагментации, соревнованию и соперничеству капитализм в той форме, в какой он развился в Европе, можно осмыслить как набор изначально не преднамеренных последствий, которые были затем замечены, описаны и закреплены в системе стратегических средств и институтов. Взгляд на капитализм как на явление, в некотором смысле случайное, возрождает аналитическую традицию немецкого экономиста Вернера Зомбарта (1863–1941), которой впоследствии следовал и Шумпетер. Еще Адам Смит в 1776 году отмечал, что хлеб насущный мы получаем не благодаря доброте булочника, но благодаря его стремлению к выгоде. Наша сытость — это непреднамеренный, побочный продукт жадности булочника. Вообще говоря, вопрос о том, до какой степени можно доверять частным порокам создание общественной выгоды, активно обсуждался экономистами XVIII века. За несколько столетий европейцы разработали множество разнообразных подходов к технологии и общественным институтам. Сочетание многообразия и соревнования привело к тому, что в Европе появилось большое количество теоретических школ и технологических решений. Это великое множество идей и их продукты постоянно сравнивались между собой, формировались и развивались на рынках. Конкуренция между городами-государствами, а впоследствии между национальными государствами, финансировала европейские изобретения, которые были к тому же побочным продуктом соревнования между народами и их правителями в военных успехах и в роскоши. Как только было подмечено, что направление всех ресурсов на решение проблем в военное время приводит к изобретениям и инновациям, эта схема действия стала применяться и в мирное время.

Европейцы рано заметили, что всеобщее богатство встречается только там, где сельского хозяйства либо нет, либо оно играет небольшую роль. Богатство стало считаться непреднамеренным, побочным продуктом концентрации в больших городах разнообразных отраслей обрабатывающей промышленно-

сти. Как только эта схема была осознана, при помощи мудрой экономической политики богатство стало возможно распространять и за пределы нескольких естественно богатых областей. Политика эмуляции в самом деле могла распространять богатство на бедные и феодальные сельскохозяйственные земли, но для этого требовалось существенное вмешательство в работу рынка. Это обстоятельство, а также мудрая экономическая политика смогли заменить природные и географические преимущества, с которых началось процветание первых богатых государств. Далее мы можем представить, что налоги на экспорт сырья и на импорт готовой продукции должны были поднимать доходы бедных стран, но их побочным продуктом стало увеличение богатства через увеличение национальных производственных мощностей. В политике Англии времен правления Эдуарда III (1312–1377) явно прослеживаются обе цели.

Таким образом, соперничество, война и соревнование в Европе создали динамичную систему несовершенной конкуренции и возрастающей отдачи. Новые знания и инновации распространились в экономике в виде растущих прибылей и зарплат, а также обширной базы для налогообложения. Основой европейской экономической политики было убеждение, что развитие обрабатывающей промышленности решает все основные экономические проблемы: создает необходимые рабочие места, прибыль, большие зарплаты, базу для налогообложения и лучшее денежное обращение²³. Итальянский экономист Фердинандо Галиани (1728–1787), которого Фридрих Ницше назвал самым умным человеком XVIII века, утверждал, что «от обрабатывающей промышленности можно ждать исцеления двух главных болезней человечества: суеверности и рабства»²⁴. Стандартная экономическая наука, которая пытается осмыслить экономическое развитие в рамках безупречных совершенных рынков, не видит самого главного: совершенные рынки — для бедных. Точно так же бесполезно пытаться понять экономическое развитие в рамках того, что экономисты называют *провалом рынка*²⁵. Согласно стандартной экономической теории, экономическое развитие — это один гигантский провал совершенных рынков.

Распространение богатства в Европе, а затем и в других развитых частях света, стало результатом сознательной политики соревнования: сила рынка была приручена, как сила ветра, для достижения поставленной цели. Однако сила ветра, как и сила

рынка, не всех двигает в правильном направлении. Кумулятивные факторы и траектории развития заставляют рынок «дуть в паруса прогресса» только тогда, когда в стране уже достигнут высокий уровень развития. Чем беднее страна, тем реже ветр *à laiszez-faire* дует в нужном ей направлении. Именно поэтому вопрос свободной торговли и прочих стратегических решений так сильно зависит от ситуации в стране и выбора момента. В отсутствие специфического контекста все аргументы экономистов-теоретиков за свободную торговлю или против нее будут так же бесполезны, как рекомендации врачей в отсутствие диагноза или знания симптомов. Отсутствие контекста в стандартной экономической теории поэтому является фатальным недостатком, который исключает любое качественное понимание предмета. Исторически успешная экономическая политика основывалась либо на «управлении рынком» (Роберт Уэйд), либо на установлении «неправильных» цен (Джон Кеннет Гэлбрейт и Элис Эмсен). Колониализм был по своей сути системой, при которой ни первое, ни второе не должно было произойти. Наше непонимание связи между колониализмом и бедностью сильно мешает нам понять феномен бедности²⁶.

Доктрина сравнительного преимущества, начавшаяся с Рикардо, сегодня стала краеугольным камнем международного экономического порядка. Известный американский экономист Пол Кругман утверждает, что интеллектуалы не понимают Рикардовой идеи сравнительного преимущества, которая «совершенно верна, невероятно изощрена — и чрезвычайно актуальна для современного мира»²⁷. Я утверждаю противоположное: Рикардо, исключив из экономической теории качественное понимание экономических перемен и динамики, создал теорию, которая позволяет стране полноценно специализироваться на бедности. В теории Рикардо экономика никуда не движется, в ней нет прогресса, а значит, не с чем и соревноваться. Заявив о том, что сравнительное преимущество решит все проблемы бедных, Вашингтонский консенсус просто запретил использовать инструментарий эмуляции — тот самый, который может похвастаться 500-летней историей успеха начиная с конца XV века и заканчивая Планом Маршалла 1950–1960-х годов.

II. Эволюция двух разных подходов

Читателю придется самому решать, нужны ему простые или полезные ответы на его вопросы — здесь, как и в других экономических делах, ответы не бывают одновременно и простыми, и полезными.

Йозеф Алоис Шумпетер, австро-американский экономист. 1932

Аристотель придерживался мнения, что крупные центры торговли должны располагаться вдали от больших городов. Находки археологов подтверждают, что современники к его мнению не прислушивались: торговые площади были центральной частью больших городов. Адам Смит в книге «Богатство народов» (1776 г.) велел англичанам открыть границы для свободной торговли, но история гласит, что за 100 лет, последовавших за изданием книги, в Англии было собрано таможенных налогов больше, чем во Франции, которая сегодня считается оплотом протекционизма. Согласно традиционной точке зрения, Англия разбогатела при помощи Смитовой политики *laissez-faire* и свободной торговли, однако историки, основательно изучив эту тему, пришли к совершенно другим выводам. Уильям Эшворт недавно заключил: «Если у Англии/Британии и был свой уникальный путь индустриализации, то ключ к нему в том, что ее культура не столько была предпринимательской и техноцентричной, сколько определялась институциональной системой, главную роль в которой играли акцизы (налоги) и тарифная стена»¹.

Сегодня чикагские экономисты, чтобы теоретически обосновать глобализацию и политику мировых финансовых организаций, вещают миру: государство и муниципальные правительства не должны вмешиваться в экономику. В реальности мэр Чикаго тратит миллионы долларов общественных фондов на создание инкубаторов для наукоемких производств. Даже в пределах одного города разрыв между теорией и практи-

кой огромен. В Вашингтоне Администрация по делам малого бизнеса в США ежегодно тратит 20 млрд долл. на займы и гарантии в поддержку частных компаний Соединенных Штатов. Расположенные в нескольких кварталах от здания Администрации финансовые организации Всемирный банк и МВФ продолжают навязывать бедным странам условия, не позволяющие учредить у себя аналогичные институты. Несколько лет назад штат Алабама потратил 253 млн долл. на субсидирование завода «Mercedes-Benz». Чиновники утверждают, что завод генерирует доход, который позволил окупить эти издержки за 5 лет, к тому же строительство одного автомобильного завода в штате повлекло строительство еще четырех². Так же действовали бедные страны во время индустриализации, хотя там чаще использовались тарифы, а не прямое субсидирование. В обоих случаях издержки временно ложатся на плечи граждан, но зато в будущем они оказываются в выигрыше. Такая логика всегда жертвует краткосрочным выигрышем потребителей ради их же долгосрочного выигрыша, но уже в новой роли: они выигрывают как производители, от увеличения количества рабочих мест и роста зарплат. Журнал «Newsweek» похвалил штат Алабама за предпринимательскую инициативу, но неизменно критикует бедные страны, когда они пытаются действовать по той же схеме. Экономисты-традиционалисты, без сомнения, станут критиковать и Администрацию по делам малого бизнеса США, и промышленную политику Алабамы. Однако их никто не слушает в США, где абстрактной высокой теории позволено формировать только политику бедного мира.

Получается, что реально благородная экономическая риторика годится только на экспорт, а для «внутреннего пользования» берутся совсем другие, прагматические, принципы. Джордж Буш проповедовал свободную торговлю ради всеобщего блага. В реальности Соединенные Штаты субсидируют и защищают множество своих отраслей, от сельского хозяйства до высоких технологий. Пол Кругман, оказавший влияние на торговую и промышленную политику за пределами США, жалуется, что «дома» никто не придерживается традиционной теории торговли Рикардо: «Взгляд на торговлю как на псевдвоенное соревнование традиционно распространен среди управленцев, ведущих предпринимателей и влиятельных интеллектуалов... Дело даже не в том, что экономическая на-

ука перестала контролировать процесс; идеи из стандартного учебника по экономической теории вообще не принимаются в расчет...»³

Это важная тенденция. США разрываются между двумя традициями: активистской политикой Александра Гамильтона (1755–1804) и заветом Томаса Джефферсона (1743–1826), сказавшего, что «лучшее правительство то, которое меньше всего управляет». Гамильтон стоял за учреждение в 1791 году первого центрального банка США, в то время как Джефферсон с ним боролся и немало способствовал закрытию банка в 1811 году. С типично американским прагматизмом соперников помирили так: последователи Джефферсона стали отвечать за риторику, а последователи Гамильтона — за политику. Сегодняшние экономики-теоретики решают важную задачу по разработке риторики в духе Джефферсона и Рикардо, которая, как Пол Кругман сообщает нам, почти не влияет на национальную политику страны.

В этом Соединенные Штаты следуют примеру Англии. В 1820-е годы один из членов палаты представителей сказал, что теории Давида Рикардо, как и многие другие английские продукты, были, похоже, созданы исключительно «на экспорт». Поэтому американский афоризм 1820-х годов «Следуй не совету англичан, но их примеру» сегодня может прозвучать так: «Следуй не совету американцев, но их примеру».

Богатые страны склонны навязывать бедным странам теории, которым они сами никогда не следовали и скорее всего никогда не последуют. Поэтому важно уметь смотреть сквозь высокую теорию, чтобы увидеть за ней реальную жизнь. К сожалению, существует только история экономической мысли — наука о том, что должно было произойти по словам теоретиков; истории экономической политики — науки о том, какая политика в реальности проводилась на практике, — нет. Торстейн Веблен различал *эзотерические* теории, т. е. абстрактные теории для нужд немногих посвященных, и *экзотерические* теории, т. е. практические теории для всех и каждого. Проблема в том, что эзотерические теории имели куда меньше влияния на реальность, чем убеждают нас историки экономической мысли. Однако несмотря на это, со времен Адама Смита эзотерические теории успешно используются для пропаганды. Хорошим примером тут может послужить господствующая сегодня между-

народная теория торговли, согласно которой чисто рыночная экономика сделает всех одинаково богатыми.

К выводу о том, что богатые страны, как правило, имеют куда больше торговых ограничений, чем требует их идеология, пришел и итальянский экономист XVIII века Антонио Дженовези (1712–1769): «Есть те, кто под свободой торговли понимают две вещи: абсолютную свободу фабрикантов на производство изделий, без каких-либо ограничений по размерам, весу, форме, цветам и т. д., и не менее абсолютную свободу купцов на распространение, экспорт и импорт всего, что им хочется, без ограничений, без акциз, без тарифов, без таможенных сборов. Но такой свободы не существует нигде на Земле, она встречается разве что на Луне; особенно же редко она встречается в странах, которые лучше остальных понимают торговлю»⁴.

В истории человечества глобальная свободная торговля всегда была химерой; страны, которые придерживались ее хотя бы только в решающие моменты своего развития, стали самыми успешными экономиками мира. Объясняя этот феномен, стандартная экономическая наука утверждает, что богатство сильно зависит от открытости экономики. Это примерно то же самое, что, сравнивая доход студента и специалиста, который занят на рынке труда, прийти к заключению, что образование не окупается, потому что у студента доходы ниже. Все страны, которые сегодня богаты, обязательно проходили через период защиты национальной обрабатывающей промышленности. Функцию этого периода подчеркивает термин «воспитательные тарифы» (*нем.* Erziehungszoll, oppfostringstoll), существующий в германских языках. В английском языке раньше существовал термин «infant industry protection» (букв.: «защита младенческих отраслей промышленности»), так что из одного названия было понятно, что это необходимая мера. Сравнить страны, которые прошли эту стадию, со странами, которые ее не проходили, бессмысленно.

Пропасть между теорией и реальностью становится еще более тревожной, когда одни и те же теоретики для разных целей пользуются разными теориями. Проблемы дальних стран решаются согласно эзотерическим (абстрактным) принципам. Но зато когда нужно решить проблему в непосредственной близости от дома — откуда ни возьмись появляется здравый смысл, прагматизм и опыт. Адам Смит, чья книга «Богатство народов»

вышла во времена американской революции, утверждал, что Соединенные Штаты сделают большую ошибку, если попытаются защитить свою обрабатывающую промышленность. Одна из главных причин того, что в 1776 году Америка стала бороться за независимость, — это традиционный для колонизаторов запрет на учреждение обрабатывающей промышленности, который Англия ввела в американских колониях (за исключением производства мачт и дегтя, которые англичанам были нужны). Что характерно, в той же книге, хотя и в другой главе, Адам Смит заявлял, что только страна с собственной обрабатывающей промышленностью может выиграть войну. Александр Гамильтон, первый министр финансов США, прочел Адама Смита и для формирования промышленной и коммерческой политики США мудро выбрал именно проверенное практикой утверждение о том, что только страны с собственной промышленностью побеждают в войнах, а не голословное заявление о свободной торговле.

Следуя скорее примеру Англии, чем ее советам, Соединенные Штаты защищали свою обрабатывающую промышленность 150 лет. Теория, на которой основан весь сегодняшний экономический порядок, утверждает, что свободная торговля приведет к «выравниванию цен на производственные факторы»; иными словами, что цены на труд и капитал станут одинаковыми во всем мире. Однако немногие экономисты говорят своим детям, что, раз выравнивание цен на производственные факторы уже не за горами, то можно идти мыть посуду в ресторане, полагаясь на свое «сравнительное преимущество», вместо того чтобы стремиться стать врачом или юристом. Как частные граждане, экономисты прекрасно понимают, что выбор вида деятельности во многом определит жизнь их детей. Однако на международном уровне эти же экономисты придерживаются иного мнения, поскольку их инструментарий достиг такой степени абстрактности, что в нем практически не осталось инструментов для того, чтобы фиксировать качественные различия между разными видами экономической деятельности. На международном уровне стандартная экономическая наука доказывает, что воображаемая нация чистильщиков обуви и посудомоек может сравняться по благосостоянию с нацией, состоящей из юристов и биржевых брокеров. Получается, что когда экономисты дают советы африканским детям, они исхо-

дят из иных соображений, чем когда дают их собственным детям. Как сказал об этом Торстейн Веблен, инстинкты экономистов отравлены полученным образованием.

То, что страна специализируется на чем-либо согласно своему сравнительному преимуществу, означает, что в такой деятельности она наиболее эффективна по сравнению с другой страной. В Приложении I показано, как теория торговли делает возможной специализацию страны на бедности и невежестве. Это оказывается возможным, потому что торговая теория, которая формирует сегодняшний экономический порядок, основана на концепции, что страны обмениваются идентичными трудочасами, лишенными качественных характеристик, в системе, где нет производства. Торговая теория Рикардо рассматривает один трудочас времен каменного века наравне с одним трудочасом в Силиконовой долине, а потом предсказывает, что экономическая интеграция между этими экономиками приведет к экономической гармонии и выравниванию зарплат.

В очень обобщенном смысле можно выделить два основных типа экономической науки. Один основан на метафорах из естественных наук (как правило, из физики), например это «невидимая рука», которая удерживает Землю на орбите вокруг Солнца (конец 1700-х гг.), или метафора равновесия, основанная на физической теории 1880-х годов. Экономическая наука, которую мы именуем стандартной или традиционной, основана на метафоре равновесия, при том что сами физики от понятия равновесия отказались еще в 1930-е годы. Эта наука строится сверху вниз, ведя свое начало от абстрактной метафоры. Получается, что экономист анализирует мир при помощи метафоры, а потом применяет свои теории на практике к африканским детям.

Другой тип экономической науки основан на опыте, строится снизу вверх. Его идеи часто сначала существуют как практическая политика, из которой потом выкристаллизуется теория. Город-государство Венеция применяла одну экономическую политику на протяжении веков, задолго до того как экономист Антонио Серра официально закрепил эту практику в теории и объяснил механизм ее успеха. Аналогичным образом древние люди с незапамятных времен жевали ивовую кору, чтобы избавиться от головной боли, прежде чем Байер официально закрепил эту практику, выделив из коры салициловую кислоту (*salix*

на латыни значит «ива»), и произвел первый аспирин. Моряки раннего Средневековья для профилактики цинги запасались в плавание апельсинами и лимонами, за многие века до того как в 1929 году был открыт витамин С. Получается, что болезнь (экономическую и не только) можно прекрасно лечить, используя опыт предыдущих поколений, при этом не обязательно понимать, какие именно механизмы способствуют лечению.

Этот менее абстрактный тип экономической науки, как правило, использует метафоры из биологии, а не из физики. С тех самых пор как в 400 году до н.э. был составлен кодекс римского права, человеческое тело стало источником метафор для всех общественных наук. Наиболее знаменитой манифестацией этого феномена стал, вероятно, «Левиафан» Томаса Гоббса, в котором государство изображено буквально построенным из своих граждан⁵. Этот тип науки основан на качественном и всеобъемлющем понимании исследуемого «тела» и приводит в результате к объяснению, в котором важные элементы, такие как синергия не сопоставимых, но взаимозависимых частей этого тела, не сведены только к цифрам и символам. С теорией Чарльза Дарвина (1809–1882) родился новый тип экономической метафоры, сравнивающий общественные изменения (такие как инновации) с природными мутациями. В это же время заклятый оппонент Дарвина, французский натуралист Жан-Батист Ламарк (1744–1829) придерживался мнения, что приобретенные черты могут быть унаследованы; оба эти подхода отлично сочетаются, если их применять не в биологии, а в экономической теории. Теория Ламарка хорошо подходит экономической науке, которая допускает, что знание и опыт могут накапливаться поколениями. Эта теория основана на опытных данных и открыта как для синергических эффектов, так и для прогресса. Это ее используют экономисты «дома», где они способны различать разные виды экономической деятельности и поэтому советуют своим детям отказаться от специализации на мытье посуды согласно своему сравнительному преимуществу.

У всех метафор есть и достоинства, и недостатки. Крайне абстрактные метафоры из физики сильны четкостью и конкретностью рекомендаций, например, утверждением, что свободная торговля приведет к выравниванию зарплат в бедных и богатых странах (выравниванию цен на производственные факторы). Но проблема в том, что экономическая теория, основанная

на физике, игнорирует качественные различия между видами экономической деятельности, которые в конечном итоге обращаются количественно измеримыми различиями в уровне зарплаты. В абстрактных моделях, основанных на физике, нет ни творческих элементов Возрождения, ни упорядоченности Просвещения. Независимо от уровня образованности человека, моющего посуду в ресторане, он никогда не будет зарабатывать столько же, сколько специалист по высоким технологиям. Без смены профессии посудомойка будет специализироваться на относительной бедности в условиях любого рынка труда. То, что целые страны могут специализироваться на бедности, кажется невероятным экономистам, работающим с метафорами из физики, потому что у них нет инструментов для качественного различения видов экономической деятельности. Эти экономисты считают неприемлемыми попытки бедных стран заняться теми видами экономической деятельности, которые могли бы повысить общенациональный уровень зарплаты, как это сделали нынче богатые страны. Модели, основанные на физике, также беспомощны при столкновении с инновациями и новыми знаниями, потому что не допускают, что в мире может произойти что-то качественно новое. Они также упускают из виду синергию, связи и системные эффекты — своеобразный клей, который соединяет экономики и общества между собой. Утверждение Маргарет Тетчер, что такого понятия, как общество, не существует, является прямым и логичным выводом из современной стандартной экономической теории.

Важной фигурой в истории экономической науки, основанной на опыте, является Фрэнсис Бэкон (1561–1626). Его основным качеством было то, что Веблен называет «праздное любопытство», любознательность, не ищущая выгоды. В полном соответствии с этим Бэкон умер от простуды, подхваченной во время опытов по исследованию влияния заморозки на сохранность мяса. Опыты заключались в том, что Бэкон выходил во двор во время метели и набивал тушки цыплят снегом. Тушки в результате действительно остались сохранными, а вот Бэкон умер от пневмонии. После появления абстрактной теории Давида Рикардо было сделано несколько попыток «бэконизировать» экономическую теорию: в Англии критиком Рикардо был преподобный Ричард Джонс (1831 г.)⁶, а в Соединенных Штатах Джон Рэй (1834 г.)⁷. Однако экономическая наука, осно-

ванная на опыте, опирается в основном на биологические метафоры, куда менее точные, чем метафоры из физики, и не дающие таких же четких ответов на злободневные вопросы. Теории, основанные на опыте, предлагают компромиссные решения. В теориях же, основанных на физических моделях, которые поощряют использование одной и той же экономической политики в любом контексте, компромиссных решений почти не бывает. Однако во многих ситуациях свободная торговля совершенно необходима для создания в стране богатства, а в других она, наоборот, приведет к обнищанию. Получается, что экономическая теория (см. эпиграф к этой главе) дает нам выбор между простыми, но не слишком релевантными объяснениями, и объяснениями более сложными, но и более релевантными.

Используя в качестве метафоры для понимания общества человеческое тело, удобно объяснять явления синергии, взаимозависимости и взаимодополняемости в экономической системе. В противовес метафорам из физики метафора тела передает идею, что люди — это одушевленные существа с творческим разумом, который также является немаловажным экономическим фактором. Основную движущую силу экономического общества людей Фридрих Ницше называет *капиталом духа и воли*: новые знания, предпринимательскую деятельность и организаторские способности в частной и общественной жизни. Недавно современная эволюционная экономическая теория попыталась вернуться к этим элементам и использовать их для формирования промышленной политики третьего мира. Возможно, со временем из этих попыток вырастет замена Хайлбронеровым философам от мира сего.

Впрочем, особой нужды ударяться в полемику нет, поскольку эти типы экономического мышления во многом сочетаются и дополняют друг друга. Оба подхода важны так же, по меткому выражению британского экономиста Альфреда Маршалла (1842–1924), как обе ноги, правая и левая, важны нам для того, чтобы ходить⁸. Основанная на физике экономическая теория дает нам утешительную иллюзию упорядоченности окружающего хаоса, но важно понимать, что эта иллюзия создается за счет отречения от целого ряда качественных аспектов экономического мира. Тот, кто забывает, что основанные на физике модели являются не реальностью, но исключительно упрощенными моделями этой реальности, рискует надеть много

ошибок. Пример такой ошибки — это метод, каким была введена глобализация, — шоковой терапией. Вместо того чтобы привести к выравниванию цен на производственные факторы, во многих странах она спровоцировала их поляризацию по отношению к остальному миру. Богатые страны, таким образом, продолжают богатеть, а многие бедные — беднеть. Поскольку модели, основанные на физике, не предусматривают такого исхода, потребуется много времени, прежде чем мировое сообщество попытается скорректировать это нежелательное развитие. Проблема в том, что популярные сегодня модели, основанные на физике, как правило, игнорируют именно те факторы, которые создают богатство; факторы, которые есть в богатых странах и отсутствуют в бедных, — несовершенную конкуренцию, инновации, синергию между разными экономическими секторами, экономию за счет роста производства и диверсификации продукции, а также существование таких видов экономической деятельности, которые делают эти факторы возможными. Впоследствии мы еще вернемся к ним.

Альтернативную экономическую науку, основанную на опыте, методологию, которую до сих пор использует Гарвардская школа бизнеса, мы будем в дальнейшем называть Другим каноном⁹. Он объединяет экономические подходы и теории, которые исходят в своих рассуждениях об экономике из фактов и опыта. Начиная с конца 1400-х годов только экономической теории Другого канона, с ее убежденностью в том, что виды экономической деятельности качественно различаются как носители экономического роста, удавалось вытаскивать страны из бедности. Однако как только в них начинался экономический рост, они одна за другой переключались с биологической на физическую экономическую теорию, как это сделали Англия в конце XVIII и США в середине XX века. Чтобы понять, как работала экономическая политика этих успешных стран и почему они меняли одну теорию на другую, мы подробно рассмотрим Другой канон.

Экономическая наука, основанная на опыте, правила в мире на протяжении долгих веков. Сегодняшней абстрактной стандартной теории еще нет и 250 лет. Она произошла от учения физиократов, на котором недолго основывалась экономическая политика предреволюционной Франции. Адам Смит, считав-

шийся при жизни антифизиократом, использовал некоторые идеи физиократов в своих книгах, написанных в разгар индустриальной революции. Однако по-настоящему зацементировалась абстрактная модель только в «Принципах политической экономии и налогообложения» Давида Рикардо (1817 г.). Как мы еще увидим, история знает случаи, когда эти абстрактные принципы приводили к запустению, голоду и общественным проблемам, потому что были использованы в неподходящих условиях.

С появлением миропонимания холодной войны традиция Другого канона почти вымерла. Теория Рикардо безраздельно воцарилась в мире, безоговорочно принятая левыми и правыми политиками. На илл. 2 мы видим «генеалогическое древо» экономической теории из «Экономики» Пола Самуэльсона, учебника, на котором выросло не одно поколение экономистов. Как коммунизм, так и либерализм (как Иосиф Сталин, так и Милтон Фридмен) ведут начало от теории Рикардо. Поэтому холодная война была гражданским конфликтом между двумя ветвями Рикардовой экономической науки, разделявшими несколько общих убеждений. В частности, в зрелой форме обе ветви не признавали ни важности технологий и предпринимательства, ни роли государства. При коммунизме, например, государство должно было «раствориться». Чтобы достичь мифического Рикардова равновесия, коммунизм¹⁰ просто заменил рынок огромным калькулятором. Так же как социал-демократы первыми погибали в битвах коммунистов с либералами, традиция Другого канона оказалась почти истреблена в перестрелке между правым и левым флангами Рикардовой теории¹¹.

Традиции, впрочем, редко исчезают без следа, и многие экономисты, недовольные ни одной из крайностей, продолжают разрабатывать альтернативные теории. Благодаря им и была написана эта книга. На илл. 3 графически изображена 500-летняя история развития альтернативной экономической науки. Именно традиция Другого канона определяла экономическую политику стран, успешно прошедших путь от бедности к богатству. Англия пошла по этому пути в 1485 году, континентальная Европа вскоре последовала за ней. Скандинавские страны, которые из-за малого размера своих внутренних рынков так сильно сегодня зависят от свободной торговли, веками следовали этой же политике, пока не стали достаточно сильными, чтобы

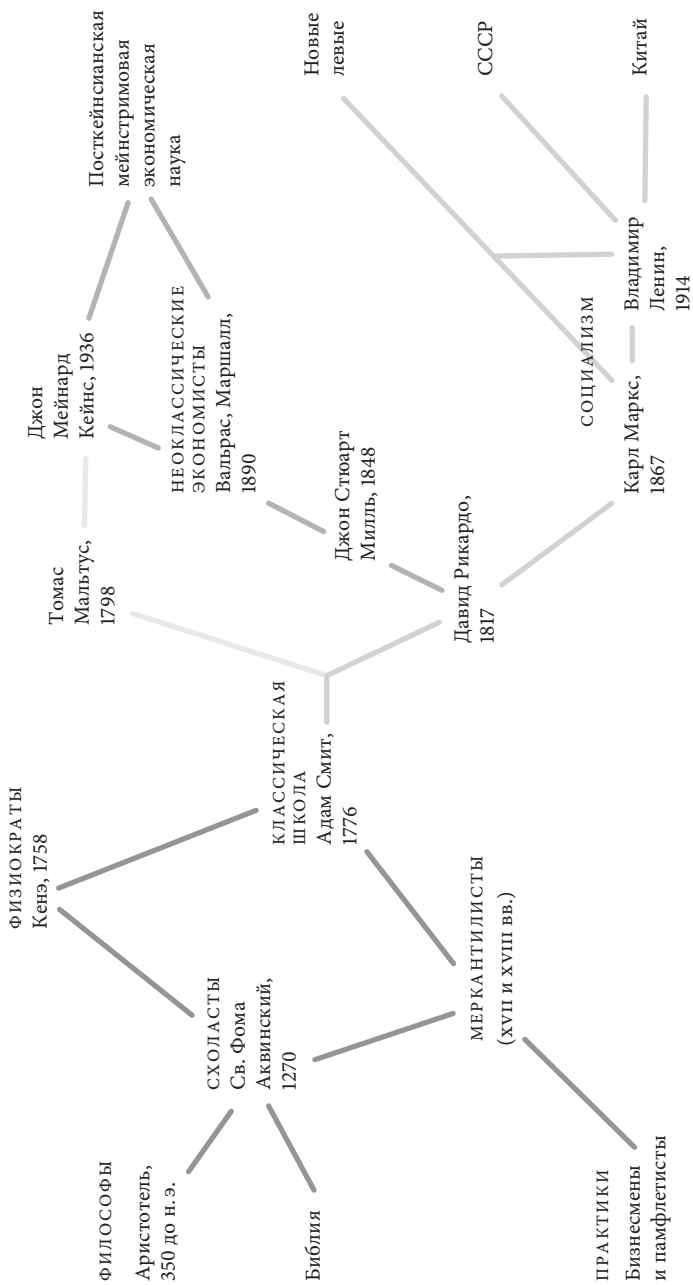
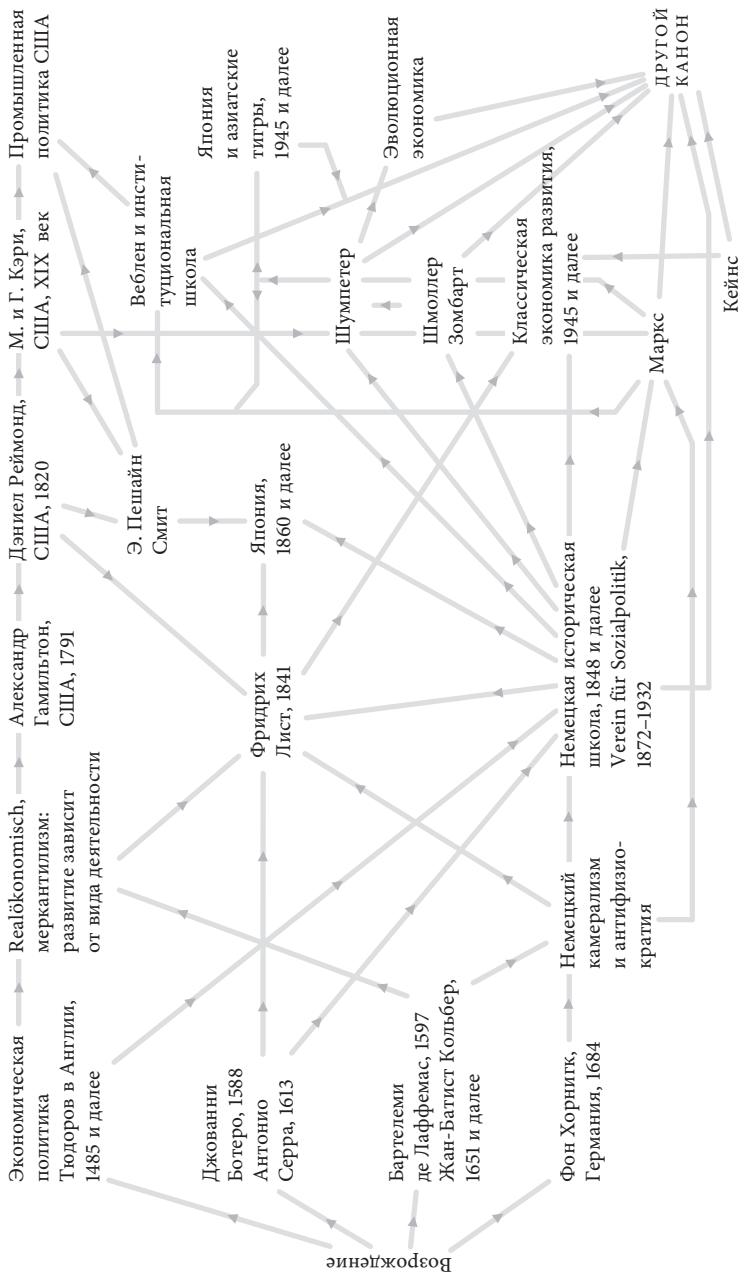

ИЛЛЮСТРАЦИЯ 2. Генеалогическое древо экономической науки Пола Самуэльсона, 1976 г.

ИЛЛУСТРАЦИЯ 3. Генеалогическое древо Второго канона экономической науки

выдержать глобальную конкуренцию. Следовали ей и Соединенные Штаты — вначале в 1776 году, после получения независимости, а затем в 1820-е годы, в почти агрессивной манере.

Моя цель не в том, чтобы представить читателю мозаику теорий, которые я объединил под общим названием «Другой канон», в качестве непреложной истины. Понятие «истина» в экономической политике — это всегда крайне сложное явление. В реальном мире порой приходится делать невероятно сложный компромиссный выбор (*англ.* trade-off) между разными периодами времени (и даже поколениями) в условиях неопределенности. Любая рекомендация по экономической политике полностью зависит от ситуационных и структурных особенностей (немцы используют удобный термин «*Strukturzusammenhänge*»), а следовательно, от конкретного знания. В Приложении II Другой канон сравнивается со стандартной экономической теорией. Это сравнение, вероятно, заинтересует прежде всего профессиональных экономистов.

Виктор Норман, теоретик международной торговли, вкратце описывает сегодняшнюю стандартную экономическую науку так: «В экономической науке как дисциплине хорошо то, что она является только образом мышления; фактического знания в ней не существует»¹². В этот теоретический мир иногда врываются беспокойная реальность и фактическое знание. Считается, что когда один из друзей упрекнул Рикардо, что его теории не соответствуют фактам, он ответил: «Тем хуже для фактов»¹³.

Как я уже говорил, оба полюса Рикардовой экономической науки развились в некое подобие религии¹⁴, так что во время холодной войны экономическая наука, основанная на фактах (исторические школы в Европе и институциональная школа в США), была вытеснена и почти исчезла. Для Рикардовой экономической науки характерен приоритет формы над реальностью. Стандартная экономическая наука — это крайняя степень абстракции экономического сценария, подобно тому как шахматная партия — это крайняя степень абстракции сценария военных действий. Но так же как конфликт в Ираке нельзя разрешить, пользуясь правилами игры в шахматы, проблема бедности в мире неподвластна экономической науке, в которой не хватает ключевых переменных на уровне фактов¹⁵.

В традиции Другого канона знание на макроуровне достигается только через подробное фактическое знание о том, что

происходит на микроуровне. Для этого экономистам постоянно приходится перемещаться между микро- и макроуровнями, между высоким и низким уровнем абстракции. Это стратегия противоположна той, которую описывает Виктор Норман; главное в ней — это релевантность, а форма важна только настолько, насколько она отражает актуальные факты. Экономическая наука Другого канона располагает широким инструментарием и пользуется всеми инструментами, которые способны отразить актуальную реальность. В стандартной же экономической науке математическая точность значит больше, чем собственно объект анализа, экономика. Как не раз отмечалось, инструментарий и система стимулов работают в стандартной экономической науке таким образом, что большинство экономистов предпочитают быть точно неправыми, а не примерно правыми. Математическая тщательность оказалась не приемлемой для качественного анализа.

Абстрактная стандартная наука в той форме, в какой она применяется сегодня к бедным странам, исходит из того, что в мире нет разнообразия, трения, конфликтов и компромиссов. Предполагается, что в этом мире знание бесплатно и снисходит на всех людей одновременно, как манна небесная (понятие «совершенная информация»). Если бы эта книга была написана только для экономистов, можно было обсудить предпосылки традиционной экономической науки, предпосылки, обязанные своим появлением тем, что их защитники решили моделировать общество на основании физики 1880-х годов. Однако мы коснемся специфических предпосылок кратко, только для того чтобы выделить главную — предпосылку о равенстве. Смело отказавшись от любых различий — между людьми, между видами экономической деятельности¹⁶, между странами, экономическая наука сделала свой выбор. Этим выбором стала простота, а релевантность была принесена ей в жертву. Экономическая наука утратила манеру упорядочивать мир при помощи категорий и систем, которой пользовалась во времена Просвещения, когда зарождались современные науки. При этом получилось, что она перестала видеть и качественную разницу между «предприятием» по чистке ботинок, основанным 12-летним подростком в Лиме, и компанией «Microsoft». Одновременно объяснение того, почему Билл Гейтс и его страна богаче, чем чистильщик ботинок и его страна, тоже было утеряно. Оба эти

предприятия сравнивались под общим названием «репрезентативное предприятие». Разработчики этой модели могут бесконечно украшать ее кружевами и бантиками и быть довольны. Однако такой подход не помогает широкой публике понять экономические процессы, а без этого не произойдет так давно назревшая смена экономической политики.

Основная предпосылка совершенной информации в реальности означает, что человечество состоит из клонов «человека без свойств» Роберта Музиля¹⁷. Как предположили немецкие экономисты, количественный анализ в этом типе теории подразумевает сложение вместе количеств, лишенных каких-либо свойств (*нем. qualitätslose Grössen*), труда и капитала, лишенных качественных характеристик. Заключение, к которому с такой гордостью пришла стандартная теория международной торговли, гласит, что мировая торговля приведет к выравниванию цен на производственные факторы. Это заключение неминуемо следует из базовых предпосылок самой науки: теория, в которой все элементы равны и одинаковы, не может прийти ни к какому другому выводу, кроме равенства результатов.

После преобразований, которые экономическая наука пережила в XXI веке, она утратила два важных аспекта — время (историю) и пространство (географию). Мир экономической науки превратился в сказочный мир, где нет ни времени, ни пространства, ни трения, мир автоматической, бесконечной гармонии, где дуб вырастает в огромное дерево за то же время, которое требуется, чтобы его срубить (т. е. нулевое время). В результате такой абстрактности получается, что в реальной жизни постоянно происходит то, что происходить не должно; к примеру, случается финансовый кризис в Азии, некоторые страны только беднеют от глобализации, вместо того чтобы богатеть.

Сегодняшняя стандартная экономическая наука (в той форме, в какой она применяется в бедных странах) не признает важности *возрастающей отдачи* (т. е. того, что в некоторых видах экономической деятельности затраты на производство падают при увеличении объемов производства), *технологического прогресса*, возможности которого сильно различаются в разных видах экономической деятельности, и *синергии*. А ведь именно эти факторы, действуя совместно, образуют цепную реакцию, которая создает структурные изменения, именуемые экономическим развитием. Прежде всего абстрактные теории не пред-

усматривают многообразия и гетерогенности. Я утверждаю, что благодаря перечисленным выше факторам экономический рост напрямую зависит от вида деятельности: в одних видах он происходит, а в других нет. Эти факторы иногда присутствуют в «игрушечных моделях» экономистов, даже в моделях мировых финансовых организаций. Однако (возможно, из-за непонимания того, что такое «научный метод») стандартная экономическая наука почти всегда учитывает только один из факторов реальности за раз¹⁸. Другие аспекты остаются за кадром и рассматриваются также в изоляции. Таким образом, инструментарий экономиста по большей части основан на физике, вследствие этого стандартная наука и стандартная политика всегда берут верх. Для того чтобы понимать динамику развития богатства и бедности, Другой канон требует разом отказаться ото всех основанных на физике предпосылок.

Принцип возрастающей отдачи можно использовать, не понимая до конца, как он работает, так же как можно жевать ивовую кору для лечения головной боли и есть цитрусовые для профилактики цинги. Давным-давно Европа заметила, что обрабатывающая промышленность приносит странам богатство, но это наблюдение никак не было связано с понятием возрастающей отдачи. Здравый смысл опережает науку. Как сказал в 1620-е годы английский экономист Эдвард Миссельден, «раньше мы знали это из здравого смысла, а теперь из науки». Считается, что растущая отдача происходит от знаменитой «булавочной мануфактуры» Адама Смита. Как обычно, все, что происходило до Адама Смита, игнорируется. Однако еще Ксенофон (ок. 427–355 до н.э.), чей труд «*Oeconomicus*» дал экономике ее название, системно описал возрастающую отдачу в своей книге «*Poioi*». В 1613 году Антонио Серра, который, как писал Йозеф Шумпетер, был «первым автором научного трактата... об экономических принципах и политике»¹⁹, описал возрастающую отдачу и рост богатства, к которому она приводит, гораздо доходчивее, чем это сделал Смит в 1776 году. Немецкий экономист Эрнст Людвиг Карл (1682–1743) описал феномен возрастающей отдачи в трехтомнике²⁰, использовав в качестве примера «булавочную мануфактуру», которую позже Смит прославил на весь мир.

С тех пор как возрастающая отдача была названа Антонио Серра основой богатства, жизнь этого понятия в истории эконо-

номической мысли была крайне бурной. Получив в 1613 году разрешение рассказать о своих идеях наместнику короля, Серра был осмеян и отправлен в тюрьму, где и умер спустя несколько лет. Однако в 1750-х годах об идеях Серра вспомнил первый профессор экономической науки, появившийся южнее Германии, Антонио Дженовези. Еще позднее Роберт Мальтус (1766–1834) и его друг Давид Рикардо совершенно отказались от идеи возрастающей отдачи, построив свои экономические теории вокруг противоположного явления, типичного для сельского хозяйства, — убывающей отдачи. После того как в 1803 году труд Серра был переиздан, в 1840–1850-е годы немецкие экономисты Фридрих Лист (1789–1846) и Вильгельм Рошер (1817–1894) вернули растущей отдаче ее славу как в теории, так и на практике. Основатель неоклассицизма в экономической науке Альфред Маршалл (1842–1924) обращался к возрастающей отдаче²¹, но впоследствии это понятие исчезло из неоклассической теории. Возрастающая отдача была возрождена в Соединенных Штатах в 1920-х годах благодаря статьям Фрэнка Грэма (1890–1949) и Эллина Янга (1876–1929), но уже в 1930-х годах была отброшена другим американским экономистом, Джейкобом Вайнером (1892–1970), на том основании, что она не совместима с предпосылкой о равновесии. В 1980-е годы возрастающая отдача вернулась в теорию международной торговли благодаря Полу Кругману, но почти немедленно была авторитетно отвергнута Ягдишем Бхагвати как «уступка [Кругмана] юношескому максимализму»²².

В плане экономической политики возрастающая отдача — это скользкая тема. Если предположить, что она характерна для всех видов экономической деятельности, как это делали Адам Смит и иногда Пол Кругман, она становится прекрасным аргументом в защиту свободной торговли. В главе IV я объясню, как это происходит. Однако если предположить (как это сделали Антонио Серра, Фрэнк Грэм, Пол Кругман и Пол Ромер), что для некоторых видов деятельности (например, для сельского хозяйства) характерна убывающая отдача, а для других (например, для обрабатывающего производства и оказания продвинутых услуг) возрастающая, то станет понятно, почему бедным странам необходима индустриализация (Приложение III). После 1850-х годов возрастающая отдача стала основным аргументом в пользу индустриализации континентальной Европы.

В последние 20 лет возрастающая отдача постоянно фигурирует в экономических исследованиях, однако редко используется отдельно от упомянутой выше предпосылки о равенстве; «окна возможности» для масштаба производства, такие разные в разных странах, тоже почти никогда не упоминаются. Различия в квалификации и возможностях заработка, которые есть на «булавочной мануфактуре» Адама Смита, также почти никогда не учитываются. Возможно, экономисты и открыли возрастающую отдачу заново, по крайней мере американские экономисты Брайан Артур, Пол Кругман и Пол Ромер публично спорят о том, кому принадлежит честь этого открытия²³. Однако нежелание принять во внимание разнообразие и гетерогенность мира лишает экономистов возможности использовать понятие растущей отдачи для того, чтобы объяснить феномен неравномерного развития.

Чарльз Бэббидж (1791–1871), более известный своим вкладом в разработку компьютера, в истинно Бэконовом духе отправился на фабрику булавок и собрал там данные о зарплатах²⁴. Оказалось, что работник, покрывающий булавки оловом, получал 6 шиллингов в день, а работники, выпрямляющие проволоку, — только 1 шиллинг. Возрастающая отдача и специализация помогают нам понять, почему экономический рост так неравномерен. Опасность глобализации в том, что производственные цепи могут оказаться разорваны так, что богатым странам достанутся все квалифицированные виды работ, т. е. покрывать булавки оловом, а бедным странам останется только выпрямлять проволоку. Бедные страны, как правило, специализируются на видах экономической деятельности, которые богатые страны не могут механизировать или рационализировать, и при этом еще терпят критику за то, что в их деятельности мало инноваций.

Все дело в том, что мировые финансовые учреждения навязывают стандартную экономическую науку всем странам, которые находятся под их крылом, т. е. большинству бедных стран. Ущерб, наносимый пренебрежением ключевыми факторами, разнится от страны к стране. Цену за монополию одной очень абстрактной экономической науки в реальной жизни платят бедняки. Страна, где наблюдается активный технологический прогресс, где есть возрастающая отдача и национальные синергические эффекты, нисколько не страдает от того, что этих фак-

торов нет в экономической науке, потому что в реальной жизни они есть. Бедные страны, экспортирующие виды товаров, которые не подразумевают этих важнейших элементов — ни технического прогресса, ни возрастающей отдачи, ни синергии, несут все убытки. Аналогичным образом выполнение задачи, требующей большой физической силы, не повредит сильному человеку, но может навредить слабому. Как мы увидим, существует множество убедительных аргументов в защиту свободной торговли, но теория Рикардо к ним не применима. В случае богатой страны Рикардо со своей теорией торговли случайно оказывается прав и не может нанести никакого вреда; в бедной же стране он оказывается категорически неправ.

Йозеф Шумпетер писал, что экономическая наука страдает от «рикардианского греха»: она строится на априорных предположениях безо всякого эмпирического основания. К этому «греху» мы можем прибавить «грех Кругмана», состоящий в том, чтобы разработать теории, лучше стандартной описывающие окружающий мир, но при этом отказаться применять их на практике. Можно прибавить сюда и то, что нобелевский лауреат 1974 года Гуннар Мюрдаль (1898–1987) назвал *оппортунистическим невежеством*, т. е. подмену экономических предпосылок ради достижения политических целей. Когда политикам требовалось склонить избирателей в пользу Европейского экономического сообщества, оно рекламировалось как способ увеличить богатство при помощи возрастающей отдачи (доклад Чеккини, 1988 г.). Когда тем же политикам понадобилась теория для налаживания торговли с Африкой, они обратились к теории Рикардо, которая отрицает существование возрастающей отдачи. Политики могли бы использовать другие предпосылки и теорию, по которым Африка должна была бы развить свою собственную обрабатывающую промышленность (в которой существует возрастающая отдача), а единый рынок оказался бы совсем не таким выгодным из-за отсутствия возрастающей отдачи. Выбор разных предпосылок в разных обстоятельствах зависит от корыстных интересов и политической власти. Мало того что между экономической риторикой и реальностью лежит пропасть; экономисты подменяют предпосылки, делая свою науку инструментом для поддержания бедности в бедных странах. Экономическая наука в некоторых вопросах тесно перемешана с властью и идеологией.

Технологии и возрастающая отдача, основные источники экономической власти, создают экономические барьеры для доступа. Исключая технологический прогресс и дихотомию возрастающей/убывающей отдачи из теории международной торговли, экономисты выступают в роли полезных и бездумных инструментов для достижения корыстных целей стран. Если не брать эту дихотомию в расчет, то при глобализации одни страны будут стабильно богатеть, а другие стабильно беднеть (Приложение III). В реальном мире богатые страны, которые специализируются на правильных видах экономической деятельности, развивают экономию на масштабах в использовании силы²⁵ и способности к принуждению²⁶.

В конце 1700-х годов английская экономическая мысль разошлась с континентальной европейской теорией. Во время первой индустриальной революции Адам Смит, бывший среди прочего таможенным чиновником, описывал мировую экономику как коммерческое общество, занятое больше покупкой и продажей, чем производством. В это же время экономисты континентальной Европы, например Иоганн Бекман (1739–1811) из Гёттингена, писали о производстве, технологиях и знаниях как об основах для создания богатства. Адам Смит также упоминал изобретения, но в его теории они совершаются вне системы, не являются ее частью. Производство, знания и изобретения исчезают из экономической науки Адама Смита потому, что он сводит производство и торговлю до уровня абстрактных трудовых часов. В 1817 году примеру Смита последовал Рикардо. Он разработал еще более абстрактную теорию, в которой мерилom ценности был «труд» — понятие, лишённое каких-либо качеств. Немного позднее Карл Маркс, продолжая немецкую традицию ставить производство в центр общественных наук, писал о развитии капитализма и о проблемах, которые он порождает в обществе. К сожалению, когда от Маркса потребовалось решение проблем капитализма, он обратился к трудовой теории ценности Рикардо. В немецкой традиции было принято рассматривать в качестве движущих сил экономики знания, новые идеи и технологии, так что теория Рикардо была для нее чуждым элементом. Выбор Маркса имел очень серьезные и долгосрочные последствия: он позволил абстрактному мышлению Рикардо воцариться по всей политической оси, от правого до левого фланга, на протяжении холодной войны и после ее

окончания. Осознав это в 1955 году, Николас Калдор (1908–1986) писал, что «Марксова теория — это на самом деле упрощенная и переодетая версия Рикардо»²⁷.

Получается, что коммунизм и либерализм — это если не родные, то двоюродные братья, два абстрактных теоретических учения, витающих над тривиальными фактами реального мира. В обеих теориях не хватает того, что мы называем капиталом человеческого духа и воли (*нем.* Geist- und Willens-Kapital) — новых знаний, инноваций, предпринимательства, лидерства и организационных способностей. Поскольку процесс производства свелся к применению одинаковых трудовых часов, мировую экономику можно свести к покупке и продаже уже произведенных товаров. Аналогичным образом человеческая деятельность свелась к поставке идентичных трудовых часов, лишенных каких бы то ни было качеств, и к потребительской деятельности. Рассуждая таким образом, коммунисты решили, что можно заменить рынок с его спросом и предложением огромным калькулятором и что результат при этом не изменится. Благодаря Фридриху фон Хайеку (1899–1992) в либеральной теории появился предприниматель, создающий в экономике равновесие. Другой тип предпринимателя, по-настоящему важный, — Шумпетеров предприниматель, который своими инновациями нарушает равновесие и тем самым создает экономический рост — труднее было формализовать, поэтому он остался за пределами системы.

Первая волна популярности Рикардовой экономической теории достигла пика в середине 1840-х годов. Общественные проблемы, которые во всех странах, кроме Англии и России, с 1848 по 1871 год обернулись революциями, показали, что без продуманной политики рынок не способен создать экономическую гармонию. К 1890-м годам стало ясно, что абстрактная система Рикардо, в которой ни одна предпосылка, за исключением уменьшающейся отдачи, не отражала реальности, лежала в основе всех пороков правого и левого политических флангов²⁸. Уважаемые историки экономической мысли, получившие образование в 1890-х годах, американец Уэсли-Клер Митчелл (1874–1948) и немец Отмар Шпанн (1878–1950) одновременно написали книги под названием «Types of Economic Theory» («Типы экономической теории»), в которых оба пришли к выводу, что типов экономической теории существует много, но абстрактная теория Рикардо только одна из них.

Несмотря на это, а также на абсолютное господство не-Рикардовой экономической науки в США и на континенте в первые 40 лет XX века, начавшаяся после Второй мировой войны повальная математизация общественных наук²⁹ в сочетании с холодной войной вернули Рикардо его былую популярность. Рынок вновь, как в 1840-е годы, стали считать механизмом по созданию автоматической гармонии, а революции, зародившиеся в 1840-е годы, объяснять социальным неравенством *внутри* стран. Сегодня мы вновь стоим перед проблемой неравенства, с той разницей, что теперь неравны в большей степени страны, а не граждане одной страны.

Близкое родство между коммунистическим планированием и неолиберализмом позволяет экономистам с легкостью менять одну политическую крайность на другую: из левых рикардianцев становиться правыми рикардianцами. Доктрина Рикардо, распространившись среди политиков разных убеждений, создала прочный фронт против основанной на опыте экономической науки. Этим можно объяснить трудности, с которыми столкнулась Лиссабонская стратегия Европейского союза. Лиссабонская стратегия сочетала необходимость инноваций с необходимостью общественной сплоченности, но поскольку оба этих понятия чужды учебнику по стандартной экономической науке, они были встречены с таким неприятием, что их пришлось переkreить во что-то более подходящее. В США ситуация иная: пропасть между риторикой и реальностью позволяет применять на практике активную промышленную политику, относительно не испорченную теориями из учебника.

Если бы мы попытались проанализировать профессию экономиста как ветвь производства, мы вскоре обнаружили бы несколько странностей. Первую можно назвать системой первичных стимулов: как сказал Пол Самуэльсон в интервью журналу «New York Times» много лет назад, «экономисты работают ради признания своих же коллег»³⁰. Другим наукам (например, медицине) вполне удастся совмещать признание коллег с реальностью спасения пациентов. Вторая странность в том, что любое развитие (для бедняков оно может быть как прогрессом, так и деградацией) сильно зависит от пути (*англ.* path-dependence), однако вот уже многие поколения экономистов следуют по пути наименьшего математического сопротивления, который не учитывает зависимости от пути. Третью странность

заметили еще Томас Кун и Карл Поппер: нормальные науки, как правило, действуют в рамках одной научной системы, пока она не исчерпает себя; затем происходит радикальная смена парадигмы; в экономической науке два параллельных подхода могут существовать одновременно. Воспользовавшись метафорой американского экономиста Кеннета Эрроу, можно сказать, что традиция Другого канона «действует, как подземная река, появляясь на поверхности только раз в несколько десятилетий». Существование двух параллельных традиций делает возможным оппортунизм и подмену предпосылок, о которой мы уже говорили; на экспорт идет одна теория (заумная), а «дома» используется совсем другая (прагматичная). В целом же разные типы экономического анализа циклически сменяют друг друга в зависимости от моды. В некоторые периоды (в 1760-е годы во Франции, 1840-е Европе и в 1990-е чуть ли не во всем мире) абстрактный тип мышления становился единственно принятым, за это пришлось платить немалую цену.

От выбора инструмента сильно зависит логика действий. Как писал Марк Твен, «человеку с молотком в руках все вокруг кажется гвоздями». Математизация экономической науки только усугубила слабость, присущую системе Риккардо, — неспособность учитывать факторы реальности, от которых во многом зависят богатство и бедность. Немецкая философия называет тип качественного понимания, которое нельзя свести к цифрам и знакам, словом *verstehen* (нем. «понимание») ³¹. Философ Ганс-Георг Гадамер (1900–2002) описывает этот тип понимания как нечто сущностное для человеческой личности. Если мы попытаемся понять, что такое другой человек, исключительно через количественно измеряемые характеристики (высоту, вес, процентную долю воды и минералов в его организме), то упустим из виду многие ключевые аспекты. Можно сказать, что, с точки зрения количественного понимания, вся разница между человеком и крупной медузой заключается в том, что в человеке меньше воды. Нечто похожее происходит с экономической наукой, когда экономисты пытаются изучать общество при помощи только количеств и знаков; математика вытесняет качественное понимание предмета. Во времена Просвещения ученые, чтобы лучше понимать окружающий мир, разрабатывали таксономии (системы классификации). Создав категории «беспозвоночные» и «позвоночные», ученые попытались опре-

делить различия между медузами и людьми. Однако экономическая наука почти лишена систем классификации; ее точность построена на *отсутствии* таксономии, или систематического наблюдения и классификации видимых различий. Как только в экономической теории вводится больше одной категории за раз (к примеру, категории возрастающей и убывающей отдачи), экономическая теория приходит к неравенству и дисгармонии вместо равенства и гармонии. Как утверждал Людвиг Витгенштейн, математика стремится к тому, чтобы замкнуться на себе самой, стать самодостаточной. Альберт Эйнштейн так выражал скептицизм в отношении использования математики: «Если утверждения математики относятся к реальности, они не точны, а если они точны, они не относятся к реальности». В той форме, в которой математика используется в экономической науке, она сообщает ей замкнутый, аутистический характер. Например, можно утверждать, что в теории международной торговли выводы следуют из предпосылок. Если взять систему, в которой все факторы и все вводные данные качественно равны, и применить ее в мире, лишенном контекста, то в результате непременно получим единообразие. Вот почему экономическая наука производит в качестве естественно-го вывода экономическую гармонию. Выводы заранее встроены в предпосылки. Именно это имели в виду французские студенты-экономисты, когда, протестуя против современной экономической науки, создали движение за постаутистическую экономическую науку³².

Мы видим, что неудовлетворенность состоянием экономической науки нагнетается. Вот мнение известного историка экономической науки Марка Блауга: «Современная экономическая наука больна. Она все больше становится интеллектуальной игрой просто ради игры, а не ради практического применения. Экономисты превратили свой предмет в некую разновидность социальной математики, в которой математическая точность — это все, а эмпирическая релевантность — ничто. Если какая-либо тема не укладывается в формальную модель, она просто приговорена к периферийному существованию»³³.

Эта же самодостаточность и замкнутость — намеренная оторванность от реальности — типична была для схоластов. Каждый ребенок в Дании и Норвегии знает, как первый великий писатель (и экономист) их стран Людвиг Хольберг (1684–1754)

высмеял схоластические черты в науках своего времени. В его книге ученый молодой человек из столицы доказывает бедной напуганной деревенской женщине, что она на самом деле не женщина, а камень: «Камень не может летать. Матушка Нилле не может летать. Следовательно, матушка Нилле должна быть камнем». Аналогичным образом высмеивает науку Джонатан Свифт (1667–1745) в «Путешествии Гулливера». В начале XX века датский экономист Л. В. Бирк, обеспокоенный той же проблемой, написал статью под названием «Современная схоластика»³⁴.

Первыми начали использовать в экономической науке абстрактную математику итальянские экономисты середины 1700-х годов. Однако когда их первоначальный энтузиазм поугас, они отказались от своей попытки, согласившись, что математика скорее осложняет анализ, вместо того чтобы способствовать ему. В 1752 году математик Игнасио Радикати предупредал своих друзей-экономистов: «Вы сделаете с политической экономией то же, что схоласты сделали с философией. Все глубже погружаясь в тонкие материи, вы не умеете вовремя остановиться»³⁵. Сегодняшние экономисты наивно смотрят на математику как на нейтральный инструмент, не признавая, что Марк Твен был прав, когда писал, что выбор инструмента не может не влиять на точку зрения. Однако я пишу это не потому, что хочу, чтобы экономическая наука отказалась от количественных оценок и от математики. Я хочу, чтобы они перестали быть единственной признаваемой формой экономического анализа, чтобы для качественного анализа тоже нашлось место. Два типа понимания мира, количественное и качественное, не конфликтуют, а дополняют друг друга. Проблема в том, что без понимания качественных различий невозможно понять многие факторы, создающие мир поляризованных бедности и богатства.

Экономисты по собственному желанию ограничивают свои возможности. Если бы ученый, пишущий диссертацию о разных типах снега, решил почему-то писать ее на суахили, он выглядел бы странно, потому что очевидно, что для его целей куда лучше подошел бы саамский или инуитский. Подобно схоластам, с которыми боролись философы Просвещения, экономисты выбрали такой язык, который рискует свести экономическую теорию до мудрости, противоречащей здравому смыслу (вроде «матушка Нилле — это камень»).

Как и стандартная экономическая наука, в своей крайней форме схоластика также доказывает утверждения, противоречащие здравому смыслу и интуиции. Изобретенное Самуэльсоном выравнивание цен на производственные факторы, которое должно произойти при свободной торговле, служит примером экономической схоластики. О том, как приверженцы стандартной экономической науки доказывают положения, противоречащие здравому смыслу, пишет американка Дейдра Макклоски. В качестве примера она приводит нобелевского лауреата Роберта Фогеля: тот доказал, что железные дороги ничего не дали для развития США, поскольку они, по сравнению с каналами, увеличили ВВП только на 2,5%. Следуя этой логике, можно доказать, что человеческое сердце — не такой уж важный орган, потому что составляет всего 2,5% общего веса тела. В 1971 году Роберт Хайлбронер спросил: «Применима ли экономическая наука к реальной жизни?» На этот вопрос все чаще хочется ответить «нет».

Возвращаясь к цитате из Томаса Куна, с которой начиналась глава I, приходится признать: правящая экономическая парадигма не располагает инструментами для понимания основных факторов, делающих экономическое развитие таким неравномерным.

ДВА ТИПА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ И ДВЕ ТЕОРИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Два разных типа теории, которые мы обсуждаем, по-разному понимают глобализацию. Настолько по-разному, что два нобелевских лауреата в области экономики выдвинули конфликтующие версии того, что случится с мировым доходом при глобализации.

Один из лауреатов — Пол Самуэльсон, сторонник теории первого типа, т. е. основанной на стандартных предпосылках неоклассической экономической науки. Он математически доказал, что международная торговля без ограничений приведет к выравниванию цен на производственные факторы, что по сути означает, что цены на факторы производства — капитал и труд — будут стремиться к одинаковому уровню во всем мире³⁶.

Другой лауреат — шведский экономист Гуннар Мюрдаль, сторонник теории второго типа, которую мы для удобства ре-

Научное издание
Серия «Экономическая теория»

ЭРИК С. РАЙНЕРТ

КАК БОГАТЫЕ СТРАНЫ СТАЛИ БОГАТЫМИ, И ПОЧЕМУ БЕДНЫЕ СТРАНЫ ОСТАЮТСЯ БЕДНЫМИ

ШЕСТОЕ ИЗДАНИЕ

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор
НАТАЛЬЯ СМИРНОВА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка
СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ

Корректор
ЛЮДМИЛА МАЛОВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 02.08.2018. Формат 60×90/16
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 24,0. Уч.-изд. л. 20,6
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 2197. Заказ №

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru,
тел.: 8 (499) 270-73-59